

ТЕЕНАРИУМ

АНТОЛОГИЯ НЕВЕРОЯТНЫХ ИСТОРИЙ

Казанов Дробкова Матышина Манухин Герцовский Лебединская Архангельская

Антологии (Снежный ком)

Дмитрий Казаков

**TEENариум. Антология
невероятных историй**

«Снежный Ком»

2020

Казаков Д. Л.

TEENариум. Антология невероятных историй / Д. Л. Казаков —
«Снежный Ком», 2020 — (Антологии (Снежный ком))

ISBN 978-5-6043755-2-5

Что будет делать подросток, потерявшись в незнакомом мегаполисе, да ещё и с непонятным артефактом в кармане? А если вдобавок по следу идёт парочка колоритных злодеев? А как поступить, если твоей подруге напороочили самую настоящую беду, и всё указывает на то, что пророчество сбудется? А если в доме вдруг завелась младшая сестра, которая мало того, что позорит тебя в школе, так ещё и впутывает в опасное мистическое приключение, из которого можно и не выпутаться... В антологии «TEENариум» все истории разные, но у всех есть кое-что общее — юные герои, которые видят чуть больше. Которые ценят друзей и не боятся совершить подвиг. И за чьими приключениями будет интересно наблюдать, как совсем молодым читателям, так и их родителям. «TEENариум» — это книга для тинейджеров всех возрастов!

ISBN 978-5-6043755-2-5

© Казаков Д. Л., 2020

© Снежный Ком, 2020

Содержание

Дмитрий Казаков	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	32
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

ТЕЕНариум. Антология невероятных историй

Дмитрий Казаков
Московская метель

Глава первая

Выйдя из вагона, Мишка остановился и завертел головой.

Очень уж хотел посмотреть, какая она, Москва, и надеялся увидеть ее чуть ли не сразу, целиком, с вокзала, хотя понимал, что это глупо... Мечтал об этом с того дня, как еще в сентябре им объявили, что в зимние каникулы седьмой «Б» поедет на экскурсию в столицу.

Не весь, конечно, а только те, за кого заплатят родители, или те, кто чем-то отличился, – на них даст денег школа.

Папа с мамой помочь тут ничем не могли, в парикмахерской много не заработать, а на моторном заводе и вовсе зарплату задерживают. Пришлось изо всех сил стараться самому. Учился Мишка нормально, но звезд с неба не хватал, и поэтому налег на то, в чем мог себя показать, на спорт.

Отобрался на зимнее первенство области на двух дистанциях, тренировался так, что еле приползал домой из манежа.

Не зря Юрий Анатольич, тренер, его хвалил, и вообще...

– Котлов, не стой столбом! – язвительно сказали в ухо, и твердый кулачок пихнул Мишку в лопатку.

Ух ты, Еремина, вредная, как десять Вольдемортов... почему все отличницы такие?

Мишка сердито засопел и отодвинулся.

Москвы он пока не видел, видел перрон, состав на соседнем пути и укрытое снежной пеленой здание вокзала, большое, конечно, не такое, как в Нижнем Новгороде или тем более в родном Заволжье, но какое-то обычное, не столичное.

И еще тут царил жуткая суэта, властвовало невероятное столпотворение.

Мишку чуть не сбила с ног громадная тетка с баулами, едва не по ногам прокатил тележку красноносый дядька с бляхой на груди. Отшатнувшись, Мишка налетел на горбатую старушку, что ковыляла, опираясь на клюку, и та мигом вцепилась в ляжку рюкзака, заканючила, дыша в лицо кислым и вонючим:

– Помоги бабушке, внучок, будь добр, а то бабушка совсем без денег, плохо ей...

Что старушке плохо, видно было с первого взгляда – ее трясло, руки ходили ходуном. Смушал только взгляд, острый и хищный, да не по-старчески крепкая хватка – из такой если и захочешь, не вырвешься.

– А что с вами? – спросил Мишка.

– Болеет сегодня бабушка, – заблеяла старушка. – Нужно ей полечиться, лекарства купить. Денежки она все потратила, пенсия маленькая...

Ну, если болеет, то дело святое, надо помочь человеку, тут сотни-другой не жалко.

Мишка торопливо расстегнул куртку, сунул руку во внутренний карман, старушка прищурилась, скрывая радость.

– Котлов, ты что это делаешь?! – громыхнул над ухом голос классной, Анны Юрьевны.

А вот и она, объявилась поблизости, вся растрепанная, как обычно, крашенные в ярко-рыжий цвет волосы выбились из-под платка, глаза яростно сверкают, а на круглом лице – негодование.

– Ну, я помочь хотел... – протянул Мишка.

– Как не стыдно, женщина! – гаркнула классная так, что ее услышали и на другом конце вокзала. – А ну отойдите, отпустите мальчика! Идите, взрослым голову дурите! А не то я вас!..

Анна Юрьевна замахнулась сумкой, и старушка с неожиданной резвостью отскочила.

Прошипела что-то на зависть всем змеям и пропала в людском круговороте.

– И ты сам тоже хорош, Котлов. – Классная обратила негодующий взгляд на Мишку. – Развесил уши. Такого вот доброго телка, как ты, тут любой вокруг пальца обведет! Москва! Столица! Вот мы с директором пошли навстречу твоему тренеру и ДЮСШ, взяли тебя в эту поездку, а ведь могли не взять. Веденеев куда лучше учиться, и с поведением у него все хорошо. Соображаешь?

– Ну да... – Мишка опять засопел.

Никакой он не телок, а что добрый – так не всем же быть такими злыми, как вон Еремина или Васька Горелый из седьмого «А», и вообще, людям надо помогать, да и кто знал, что тут попрошайки прямо на перроне толкуются?

– Ладно, ничего. – Анна Юрьевна, как обычно, быстро перестала сердиться, даже потрепала Мишку по затылку. – Так, пошли-пошли! А ну все за мной! Не отставать, по сторонам не глазеть! А не то...

Девчонки и мальчишки зашагали следом за классной, вон Еремина с мамой, такой же бледной и очкастой; вон ушастая Светка – эта, проходя мимо, показала язык, широкий, ну точно лопата; Андрюха, как всегда, в айфон пялится, пальцем по экрану водит, играет, похоже, или чатится...

Мишка вздохнул и пристроился в хвост колонны – у него-то обычный телефон, особо не попонтуюешься. Жалко, что рыжего Димона, лучшего школьного друга, из-за простуды не взяли, вдвоем было бы веселее.

Под подошвами хрустел снежок, вихри гуляли по перрону, белые языки облизывали выстроившиеся на путях вагоны.

С платформы пришлось спуститься в подземный переход, и тут толпа оказалась еще гуще, чем наверху. Мишка съежился, завертел головой – вдруг какой вор захочет в карман забраться, кошелек утащить или сотовый?

Но нет, никто на него не смотрел, никто им не интересовался.

Переход вывел к рамкам металлоискателей, рядом топтались нелепо толстые в раздутых зимних куртках милиционеры. Мишка разглядел указатель метро, куда им и нужно, но классная зачем-то повела всех обратно наверх, в здание вокзала.

Он давно привык, что замечает куда больше, чем друзья и даже взрослые.

Еще совсем маленьким пытался обратить внимание на то, что не видят другие. Кричал: «Мама, смотри!» – и плакал, когда она называла его «маленьким фантазером». Затем перестал даже удивляться, почему все такие слепые, и выучился молчать о вещах, которые почему-то доступны только его глазам.

Вот и сейчас – рано или поздно они в метро все равно попадут, а от ходьбы ноги не отвалятся.

– Так, и куда же нам... – несколько растерянно пробормотала Анна Юрьевна, когда они выбрались в зал ожидания, забитый сидящими и лежащими людьми, чемоданами и сумками. – Ага, похоже, что сюда...

И устремилась в полутемный коридор, ведущий в недра здания.

В тот же миг на глаза Мишке попался щуплый парень лет двадцати, облаченный в черную лыжную шапку и кожаную куртку. Тот вынырнул откуда-то сбоку, торопливо зашагал вперед, засунув руки в карманы и не глядя по сторонам.

А затем из-под полы куртки будто выскользнула золотая змейка.

Мишка едва не споткнулся на ровном месте!

Звякнуло, по затоптанному серому полу покатилося нечто округлое, рассыпающее желтые искры.

– Ух ты! – воскликнул Мишка и автоматически, на ходу, наклонился.

В ладонь удобно легло тяжелое и холодное «яйцо» из металла, заструилась длинная цепочка. Он различил негромкое, но уверенное тиканье, и тут же, пока щуплый не ушел далеко, торопливо позвал:

– Эй! Вы уронили!

Обладатель лыжной шапочки и кожаной куртки обернулся, стало видно его лицо, похожее на морду хорька. В темных глазах при виде Мишки полыхнуло удивление, рот приоткрылся, обнажив мелкие и острые, беспорядочно натыканные зубы.

– Что? – спросил щуплый.

– Вы уронили, – повторил Мишка, вытягивая руку с находкой. – Это ваше.

Он ждал, что обладатель кожаной куртки поблагодарит и заберет «яйцо», но тот дернулся, словно его ударило током. Отшатнулся, а взгляд его метнулся Мишке за спину, заскакал по сторонам, и отразились в нем страх и растерянность.

– Нет, парень, ты ош-шибся, – с легкой дрожью в неприятном, хлюпающем голосе сказал щуплый.

– Но как... – Мишка удивленно захлопал глазами, но его никто не слушал.

Обладатель кожаной куртки и лыжной шапки развернулся и едва ли не бегом ринулся прочь – между рядами сидений, чуть ли не пинком отбросив с дороги сумку на колесиках, к не приметной двери, за которой и исчез.

– Ух ты, – только и сказал Мишка.

Он никогда не брал чужого и сейчас не знал, что делать с находкой... бросить обратно на пол? Ну это глупо... Догонять щуплого? Еще глупее – почему-то тот не захотел признаваться, что это его вещь... Оставить себе? Да, пока можно сделать так, а потом решить, как поступить.

Мишка сунул тяжелое «яйцо» в карман куртки, и тут мимо него, появившись со спины, прошел милицейский патруль. Мелькнула мысль, что именно стражей порядка мог испугаться обладатель кожаной куртки, но сразу же пропала, поскольку нужно было догонять одноклассников – не хватало еще потеряться!

Своих настиг легко и обнаружил, что его отсутствия никто не заметил.

Анна Юрьевна вертела головой, стараясь понять, куда идти, одноклассники тарасились по сторонам, пытаясь делать это небрежно, незаметно и не особенно раскрывать рты от изумления. Жалко только, что они почти ничего и не видели.

Вон женщина в длинном пальто, что горбится на спине так, словно под толстой тканью прячутся сложенные крылья, зато шагает неуверенно, будто привыкла сидеть на ветке, а не ходить пешком. Взгляд острый, а нос крючком...

Вон непонятная штука на стене – вроде табличка белого металла, и на ней длинная надпись, но не русскими буквами и не английскими, а какими-то угловатыми, неприятными знаками.

И когда смотришь, все дрожит перед глазами.

Вон два грузчика в сине-оранжевой униформе волокут длинный ящик из необструганных досок. Пыхтят и надрываются, а все потому, что ящик бьется у них в руках, как живой, дерево скрипит, гвозди пытаются вылезти наружу, будто червяки из металла.

Один носильщик глянул в сторону Мишки и улыбнулся так, что лицо его на миг съехало набок, словно тряпка с намалеванной на ней рожицей. Из-под нее показалось нечто уродливое, кривое, заросшее мелким черным волосом, блеснули круглые черные глаза – каждый размером с кулак.

Мишка вздрогнул и отвернулся.

Он знал – бесполезно рассказывать другим о том, что видел сам.

Никто все равно ничего не заметит, друзья скажут «ладно заливать», а взрослые обзовут «фантазером» и начнут толковать, что развитое воображение – это хорошо, но надо жить в настоящем мире... бла-бла-бла...

– Так, нам сюда! – воскликнула Анна Юрьевна и для верности махнула сумочкой.

Вот уж кто живет в настоящем мире, только отчего-то прямую дорогу с платформы до метро найти не может.

Они прошли через громадный зал, где толпился народ, а женский голос из-под потолка объявлял, что с «восьмого пути отправляется поезд до Симферополя», и выбрались на улицу. Метель тут же плюнула в лицо снегом, так что Мишка невольно отвернулся, протер глаза.

И обнаружил, что щуплый в кожаной куртке и черной шапочке идет следом.

Нет, он был пока далеко, за стеклянной стенкой вокзала, но шагал торопливо и решительно, прижимал к уху сотовый, а взглядом цепко держался за Мишку – понятно, что не просто так прогуливается.

По спине побежал холодок.

Ничего себе, и что делать теперь? Во что он влез?

Скорее всего, щуплый – мошенник, и вряд ли он действует в одиночку, у него должны быть сообщники... И Мишка случайно влип в какую-то аферу, помешал довести ее до конца, и теперь ему за это отомстят...

Горячая волна страха ударила в голову, на мгновение стало даже жарко.

Наверняка его теперь убьют... хотя вряд ли прямо здесь, в толпе, на глазах у десятков свидетелей! Нужно немедленно догнать классную, рассказать ей обо всем, пусть вызывает милицию!

Хотя нет, Анна Юрьевна ему не поверит.

Скажет: «Опять ты, Котлов, со своими выдумками!» Да и еще подзатыльник отвесит по обыкновению – это для нее дело святое, не со злости, а от вспыльчивости, в запале, а потом сама извинится.

Мишка добавил шагу – для начала нужно не отстать.

А они вон уже где, у входа в метро, и классная на пару с мамой Ереминой пересчитывают всех по головам. Задержавшемся непонятно почему Котлову достался сердитый взгляд, и Анна Юрьевна скомандовала:

– Внутрь, пошли. Быстрее, быстрее...

Проходя через тяжелую, качавшуюся туда-сюда дверь, Мишка украдкой оглянулся – щуплый никуда не делся, по телефону больше не разговаривал и уверенно топал следом, хищно ухмыляясь и сунув руки в карманы.

Наверняка у него при себе пистолет, а то и что похуже.

Может быть, просто вернуть вокзальную находку, и тогда от него отстанут?

Мысль показалась неплохой, и Мишка полез в карман, чтобы вытащить тяжелое, наверняка из золота сделанное тикающее «яйцо». Сжал покрепче, потянул наружу, однако то ли цепочка зацепилась за подкладку, то ли ухватил неловко, но кулак застрял намертво, так что не вытащить.

Разве что куртку порвать... но нет, в дранье неудобно ходить, да и мама дома по голове не погладит.

Несколько минут он поворачивал кисть и так и сяк, подсовывал пальцы под «яйцо», катал его туда-сюда, но сделать ничего не смог. Пока пыхтел, вслед за остальными проскочил через турникет и очутился в толпе, еще более густой, чем на вокзале.

По ней шли настоящие волны, крутились водовороты, и казалось, что ты плывешь через необычайно плотную воду.

Мишку едва не сбило с ног, утащило в сторону, а когда он очухался, то обнаружил, что рыжая голова классной мелькает далеко впереди, да и желтая куртка шагавшего впереди Андрюхи едва видна меж спешащих людей.

Пришлось забыть о находке, вытащить руку из кармана и пробиваться к одноклассникам.

Едва не с боем, отдавив кому-то ногу, он прорвался к эскалатору, покачнулся, вступив на убегающие вниз ступеньки. Замелькали над головой развешенные по стенам рекламные плакаты, снизу донесся вой набирающего скорость поезда.

Мишка один раз ездил на метро в Нижнем, давно, правда, три года прошло.

Отдышавшись, он посмотрел назад – вдруг щуплый отстал, потерялся?

Нет, вон торчит черная шапка, и виден рукав кожаной куртки, хорошо еще, что эскалатор забит, народ стоит в два ряда.

Отступивший ужас ударил с новой силой, захотелось рвануть вниз со всех ног, завопить погромче... Мишке даже стало стыдно – нет, не хватало еще повести себя как девчонка, он пацан уже взрослый, и бояться вообще нечего, никто не причинит ему вреда здесь...

Но на этот раз страх уходить не захотел.

Он лишь отдернул голову, точно змея, уклонившаяся от удара палкой, но никуда не делся, ту же сдавил сердце.

– Не мешаем проходу! – донесся сверху усиленный динамиками голос, и Мишка вздрогнул.

Он спрыгнул с эскалатора и понесся вперед, лавируя между взрослыми, ориентируясь на желтую куртку Андрюхи.

Обогнул громадную четырехугольную колонну, и тут ноги разъехались, угодив в лужу. Удержался чудом, пробежал немножко по перрону и заскочил в открывшуюся с шипением дверь вагона.

Облегченно вздохнул, услышав «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...».

Но тут мальчишка в желтой куртке обернулся, и Мишка замер, забыв даже, как дышать.

Это был не Андрюха, а незнакомый белобрысый, веснушчатый парень, да еще и в очках... только вот одет точно так же, и рюкзак с надписью «Манчестер Юнайтед» на спине болтается, и даже шапка черно-красная похожа.

Мишка беспомощно оглянулся.

Забитый народом вагон покачивался, колыхались отражения лиц в окнах, но ни одно лицо не выглядело знакомым. Хотя нет, одно выглядело – щуплый вошел через другую дверь и неспешно, без суеты протискивался между людьми, извинялся и улыбался, но ни на мгновение не останавливался.

Перед глазами у Мишки закружилось, в ушах зазвенело... куда они делись?

Неужели он ошибся, спутал одну желтую куртку с другой и уехал не в ту сторону?

Не страшно, есть мобильник, и номер классной в нем записан, вот только главное не в том, что он потерялся.

Щуплому осталось метра три, но он уперся в необъятно толстого бородатого дядьку, подпертого сбоку девчонками-близнецами лет пяти. Этих не обойдешь так просто, а значит, у Мишки есть возможность на следующей станции выскочить и добраться до милиции прежде, чем доберутся до него.

Вон и поезд уже замедляет ход...

Мишка сосредоточился, принялся глубоко дышать, как перед забегом на сотку – короткие дистанции он не любил, на соревнованиях по ним не выступал, но на тренировках спринтовать приходилось, так что он знал, что к чему, и когда надо, умел стартовать не хуже Усэйна Болта.

Жаль, что шиповки с собой не взял... кто знал, что тут бегать придется?

Вагон дрогнул, что-то загрохотало под днищем, створки двери медленно-медленно поползли в стороны. Пропихнувшийся мимо толстяка-бородача щуплый потянулся к Мишкиному плечу, но загреб только пустоту.

– Чтоб тебя! – прозвучало за спиной.

Мишка выскочил на платформу и понесся прочь.

Кто-то садился в поезд, кто-то выходил, но мешали и те, и другие, разогнаться не удавалось. И самое паршивое, что не видно милиции, ни единого человека в серой форме на всей станции!

А преследователь, судя по топоту и сопению, не отставал.

Мишка не выдержал, оглянулся и тут же наскочил на пахнущего табаком и бензином человека.

– Эй, мальчик, ты что дэлаешь? – с легким акцентом воскликнул тот.

Щуплый маячил в нескольких шагах, на лице его читалось злобное торжество хищника, догнавшего жертву.

Мишка помчался дальше, понимая, что вот-вот и его схватят, в рюкзак или плечо вцепится крепкая рука. Ну да, сколько ни тренируйся, как ни старайся, все равно взрослые быстрее, сильнее, выносливее.

Краем глаза заметил движение – кто-то бросился наперерез.

Мишка невольно отшатнулся, позади раздался громкий лай и полный ярости вопль, сменившийся ругательствами. Рядом оказалась девчонка – худенькая, в смешной остроконечной шапке и цветастом комбинезоне.

– Давай за мной! – воскликнула она.

Мысли зашумели, точно испуганные бабочки: «Кто это такая? почему вмещалась?»

Но ноги потащили Мишку вслед за девчонкой – прочь из толпы, куда-то вбок, потом вверх по лестнице. Затем они очутились в длинном коридоре, где шаги гулко отдавались от стен, и тут их догнал большой лохматый пес, не лаявший, не пытавшийся укусить, просто деловито бежавший рядом.

Они вихрем слетели по стоявшему эскалатору, над головой проплыла надпись «Чудово», и тут у Мишки кончилось дыхание.

– Уф, стой... – прохрипел он, останавливаясь и упирая руки в бока. – Пока... хватит...

* * *

Если бы не проклятая псина, все было бы сделано в лучшем виде...

Но когда до мальчишки осталось несколько шагов, под ноги с лаем метнулся шерстистый барбос. Антон не успел замедлиться, запнулся и полетел кувырком, оглашая воздух звучными проклятиями.

Потом его приложило головой так, что искры полетели из глаз.

Очнулся он через несколько секунд, понял, что сидит на полу станции, зверски болит затылок, а пацана и след простыл.

– Че за ерунда? – пробормотал Антон, оглядываясь.

До эскалатора метров пятьдесят, и станция видна как на ладони... туда мальчишка не мог успеть. Похоже, он рванул к отходившему сейчас поезду и уехал... или спрятался где-нибудь за колонной.

Но куда делась чертова псина?

– С вами все в порядке? – спросила какая-то женщина, склонившись над Антоном.

– Отвали, мадама, – зло ответил он.

И так все плохо, еще лезут всякие...

Женщина, сердито фыркнув, пошла прочь, а Антон поднялся и сунул руку в карман джинсов – делать нечего, нужно звонить Боссу. Набрать его номер придется во второй раз за последние полчаса, а ведь еще на вокзале задание казалось простым, как валенки!

– Аллю, – сказал он, когда соединение установилось. – Тут такое дело... улизнул он, вот не знаю как.

– Да? – В голосе Босса, холодном и спокойном, как у автомата, не читалось и следа недовольства, но Антон знал, что начальство гневается. – А кто обещал сделать «в лучшем виде»?

– Ну, это... лоханулся... – протянул он.

Ну да, конечно, он повел себя как последний недоумок, причем еще на вокзале, когда, обернувшись, увидел мордатого пацана, державшего на ладони Предмет... иначе Антон эту штуку даже про себя не называл, больно уж солидно она выглядела, много весила, а уж стояла вообще как «Роллс-Ройс»...

Но ведь Босс сам приказал – бросишь на пол и иди себе, и чтоб больше не трогать!

Да еще и менты эти появились очень не вовремя – увидь они в руках у Антона старинные золотые часы размером побольше куриного яйца, наверняка решили бы, что краденые, и поди докажи, что это не так.

Струхнул он, ничего не скажешь... но кто же знал, что так все выйдет?

– Так, давай еще раз, по порядку, с самого начала, – велел Босс. – Ничего не упускай.

– Само собой, такое дело. – И Антон пересказал все, что случилось на вокзале и после.

– Очень странно, что мальчишка что-то вообще заметил, – протянул Босс. – Удивительно.

Обычные люди ничего не видят вокруг себя... – в его голосе все же проявилась досада. – Проклятье, ведь не может быть, чтобы все пошло насмарку из-за глупой случайности? Отвратительно! Барахло необходимо вернуть, ты это понимаешь? А недоросля ко мне доставить. Он видел кое-что, чего не должен был видеть ни в коем случае, и мы сделаем так, чтобы он не смог об этом рассказать... Ты понимаешь?

– Конечно, а как же, – подтвердил Антон, хотя на самом деле мало что уразумел.

Он не знал, для чего все затеяно, почему нужно взять дорожную, наверняка антикварную вещь и выкинуть ее на вокзале. Да и не мог знать, если честно – все подробности плана наверняка ведал только сам Босс. Для него, сидящего на вершине башни-небоскреба, управляющего колоссальной бизнес-империей, все остальные не больше чем исполнители, юниты в огромной компьютерной игре.

Что такого опасного мог увидеть пацан, тоже совершенно не ясно. Разве что – попытался зажать Предмет...

Но если Босс говорит, значит так дело и обстоит.

– Жди там, где потерял мальчишку, – велел тот. – Я пришлю тех, кто найдет его и в аду.

– В лучшем виде! – Антон хмыкнул и понял, что разговаривает с безмолвным коммуникатором.

Босс разорвал связь, как всегда, без предупреждения.

* * *

Анне Юрьевне Москва не нравилась – очень шумно, слишком много людей, все куда-то спешат, несутся как угорелые, и лица даже у дворников надменные, словно у английских лордов. Еще меньше ее радовало метро с его толчеей, нехваткой воздуха и ощущением нависшей над головой опасной тяжести.

Поэтому, оказавшись на поверхности, она вздохнула с облегчением.

– Так, давай посчитаемся. Все здесь? – спросила Анна Юрьевна, разворачиваясь.

Какое счастье, что на экскурсию не отправился класс в полном составе – два с половиной десятка детей вовсе не в два раза хуже, чем дюжина. Кто-то не смог по болезни, у других родители не нашли денег, ну а тех, кто поехал в Москву за счет школы, и вовсе пять человек.

Счастье, что Елена Владимировна собралась с дочерью, двое взрослых куда лучше одного, да и есть с кем поболтать.

– Еремина – тут, Андрей Орлов – тут, – привычно считала Анна Юрьевна. – Котлов...

Мишу она нашла не сразу, почему-то он прятался за спиной Ереминой и глядел в сторону, так что виднелся только поднятый капюшон. Но как он был одет, она помнила, ошибиться не могла, и поэтому повела взгляд дальше... Вон Семененко, Олег, Света Лапырева, Фридман, вроде как все... сейчас еще раз пересчитаем, точно убедимся, что никто из детей не пропал.

– Во сколько начинается экскурсия? – спросила Елена Владимировна из-за спины дочери.

– Сейчас посмотрю, – отозвалась Анна Юрьевна.

Билеты в Исторический музей они заказывали заранее, по телефону, и распечатка должна лежать в сумочке. Найти ее среди прочего оказалось непросто, и только после пяти минут поисков сложенная вчетверо бумага зашуршала в пальцах.

– В десять часов ровно, – проговорила она. – А сейчас у нас сколько?

– Без пятнадцати, – ровным, каким-то унылым голосом произнесла Елена Владимировна. – Далеко тут идти?

– Господи, да я не знаю. – Анну Юрьевну заколотило от волнения: не хватало опоздать! – Пошли быстрее! Бегом-бегом, а не то...

И она, решительно взмахнув сумочкой, первой устремилась прочь от выхода из метро. Мысль о том, что нужно пересчитать детей еще раз, сгинула без следа, потерялась в ворохе более злободневных.

Глава вторая

«Ох, вклепил бы мне Юрий Анатольич за такой бег», – думал Мишка, пытаясь отдышаться.

Выложился, словно не тренировался никогда – сердце колотится как бешеное, ноги трясутся. Странно еще, что пришедшая ему на выручку девчонка даже не запыхалась, на лице ни капли пота.

– Что ты на меня смотришь? – спросила она, и Мишка сообразил, что пялится на москвичку.

– И вовсе не смотрю. – Он торопливо отвел глаза, по щекам побежала горячая волна.

Ну вот, не хватало еще покраснеть!

– Он нас не догонит? – поинтересовался Мишка, оглядываясь.

– Нет, – уверенно ответила девчонка и погладила по голове сидевшую рядом собаку. – Молодец, Кучка, здорово ты его шуганул.

Барбос, большой, серый, лохматый, умильно прищурился и заелозил по полу хвостом.

«Странное имя», – подумал Мишка, но вслух сказал:

– Я – Михаил... э, спасибо тебе. А тебя как зовут?

– Ну надо же! Ничего себе! – Девчонка рассмеялась. – Тебе до Михаила еще расти и расти!

От этого смеха Мишку охватила злость: чего она ржет, как сумасшедшая? Нашла повод...

– Прости. – Она сделала извиняющийся жест, светлые глаза лукаво блеснули. – Я – Алиса. Этого вот ненавистника кошек зовут Кучка, и он тоже рад с тобой познакомиться.

– То-то я вижу, как рад, – буркнул Мишка, оттаивая. – А почему ты мне помогла?

– Помощь всегда приходит к тому, кто в ней по-настоящему нуждается. – Алиса повела плечом. – Не беспокойся, тот... – она подыскала нужное слово, – человек сюда не попадет. Просто не сможет.

– Да я не боюсь! Я... – Мишка осекся, поскольку вспомнил, что вообще-то он в Москве, отстал от экскурсии, и Анна Юрьевна наверняка с ума сходит – как же, мальчик потерялся. – Позвонить мне надо...

И он неловко полез в карман за телефоном.

Алиса с улыбкой отвернулась, принялась чесать Кучку за ухом.

Сотовый оказался на месте, только на экране обнаружилась надпись «Сеть не найдена». Мишка удивленно хмыкнул – такое он видел, но это было, когда они ходили в поход, в диком лесу на Керженце.

Сейчас-то он вроде не в глухой чащобе?

На всякий случай потряс телефон, выключил и включил, но помогло это как улитке костыли.

– Ух ты, елки, – пробормотал Мишка, оглядываясь. – Что это вообще за место такое?

Станция выглядела обычно – два пути, отделенные от середины зала белоснежными колоннами, украшенные позолотой арки, с одного конца эскалатор, с другого – глухая стена, выложенная мраморной плиткой.

Вот только пусто и тихо, ни единого человека... и поездов до сих пор не было, ни одного!

А они уж здесь стоят минут пятнадцать!

– Ты же видел – «Чудово», – медовым голосом сообщила Алиса, отрываясь от собаки. – Красиво тут, правда?

– Ух ты, дело святое. – Мишка не нашелся, чего сказать, решил, что станция новая, только что построенная, но пока не открытая.

Непонятно только, почему они так легко сюда попали...

– Ты чего нервничаешь? – спросила Алиса, и он сбился с мысли.

– Ну как, я потерялся, а позвонить своим не могу... А, ты мне сотовый не одолжишь?

У нее может быть другой оператор, или на этой станции работают мобильники только у москвичей.

– Ничего не выйдет, – Алиса улыбнулась. – Тут обычной связи нет. Но ты не беспокойся. Потеряться ты не можешь, ведь ты знаешь, где находишься?

– Ну, как бы не совсем, да, – Мишка поскреб в затылке.

Да, он видел в интернете схему московского метро, но вряд ли на ней отмечена еще не открытая станция... Ну пусть даже и отмечена, но названия «Чудово» он не помнил и сейчас не мог сказать, на какой ветке очутился, в какую сторону от вокзала уехал и что расположено на поверхности.

– Может быть, это остальные потерялись, а ты как раз находишься там, где и должен быть? – продолжала Алиса.

И почему-то тревога от ее слов уходила, становилось легче на душе, возвращалась уверенность. Мишка больше не опасался, что по эскалатору сбежит шустрый преследователь, его не беспокоило, что он заблудился в огромной Москве.

Его вообще ничего не беспокоило... это было удивительно и приятно.

Словно не лохматую собаку, а его самого чесала за ухом чудная девчонка в остроконечной шапке.

– Ну вот, так лучше... – сказала она, потом неожиданно хихикнула и поинтересовалась: – Куда тебе нужно, ведь ты знаешь?

– Конечно. – Мишка напрягся, вспоминая.

Сначала их должны вести в какой-то музей, в какой именно, он забыл, а потом на экскурсию в Кремль.

– В Кремль!

– Значит, тебе в ту сторону. – Алиса указала на уводящий со станции путь. – Прямая линия, через три станции сойдешь, ну а там по указателям на Красную площадь выйдешь.

– А ты? – ляпнул Мишка, и сам на себя озлился.

Что ему за дело до этой девчонки?

– Нам с Кучкой в другую, – сказала она, и тут, как по команде, колыхнулся воздух в темном туннеле, издали донесся гул подходящего поезда.

– Мы увидимся? – спросил он, понимая, что все-таки не выдержал, покраснел, но не отводя взгляда.

В классе у них учились разные девчонки, да и во дворе и на секции какие только не попадались. Но таких, как Алиса, он не встречал... боевая и шустрая, вроде бы самая обычная, но при этом очень чудная.

С чего она влезла не в свое дело, помешала преследователю схватить Мишку?

И говорит вовсе не так, как другие... так, что даже слушать интересно!

– Кто знает? – Алиса подмигнула, схватила Кучку за ухо и прыгнула к краю платформы.

Вырвавшийся из туннеля поезд метро остановился, как показалось, только на мгновение. Никто не вышел, щелкнула открывшаяся и тут же захлопнувшаяся дверь, и не успел Мишка глазом моргнуть, как остался один.

На мгновение ему сделалось грустно.

Жалко, но они, скорее всего, никогда больше не увидятся.

На втором пути состав появился через пять минут, затормозил с шипением и грохотом. Мишка проскочил внутрь, ухватился за поручень так, словно тот мог вырваться. Когда вагон тронулся, обратил внимание, что все пассажиры заторможенные, будто сонные, никто не двигается, даже не моргает.

Но продолжалось это несколько секунд – мигнул свет, и все изменилось, стало обычным.

Зашуровал пальцем по экрану планшета тощий белобрысый парень, зашелестел газетой сурового вида старик, принялись шептаться две женщины. Обтрепанный дядька в шапке-ушанке вытаращился на Мишку так, словно у того выросли на голове рога, но сразу отвел взгляд, а на следующей станции и вовсе торопливо вышел.

Еще через две остановки он и сам покинул вагон.

Указатель «Красная площадь» тут же попался на глаза, потом встретился еще один, со стрелкой. Заблудился бы тут лишь слепой, и вскоре Мишка оказался наверху, перед большим красным зданием с башенками и надписью «Исторический музей».

Ну уж тут-то, в самом центре Москвы, связь должна быть!

Сотовый пиликнул, показывая, что жив, и вроде бы даже высветил название оператора в углу экрана... Но мигом погас, словно у него села батарея, заряженная до упора вчера и способная работать целый месяц!

Мишка засопел, подержал нажатой клавишу «Выкл»... Не помогло.

Тогда он отковырял заднюю крышку, вытащил аккумулятор и вставил на место... Бесплезно.

Вернулось оставшееся на станции «Чудово» беспокойство – как он найдет одноклассников, как даст Анне Юрьевне знать, что жив, что у него все в порядке и что он их отыщет, скажите только, где искать?!

Нечего делать, придется обращаться за помощью.

Это просто, ведь на Красной площади обязательно стоят милиционеры.

Куда идти, Мишка сориентировался быстро – вокруг было полно туристов, и все они топали в одном направлении. Метель прекратилась, лишь заблудившиеся и отставшие снежинки мягко опускались на булыжники мостовой.

Исторический музей остался сбоку, Мишка прошмыгнул мимо кучки иностранцев, что фотографировались с усатым дядькой в сапогах, шинели и фуражке. Впереди распахнулась ширь Красной площади – красная стена с зубцами и башнями, над ней купол с лениво плещущимся в вышине трехцветным флагом.

Над Кремлем отчего-то снег шел, валил клубами, и в них чудилось целенаправленное, уверенное движение. Казалось, что повисший над древней крепостью исполинский спрут перебирает десятками длинных щупалец, и злобно пялятся из недр серых туч налитые белой злобой глаза...

Мишка встряхнул головой, и видение исчезло.

Милиции заметно не было, и он заторопился туда, где торчал шпиль Спасской башни. Острая верхушка ее напомнила о шапке Алисы... Интересно, где сейчас шустрая москвичка, что подельывает, вспоминает ли о нем?

Остался позади Мавзолей, неприятно-бурый, точно покрытый сырой плесенью. Приблизился яркий, праздничный, украшенный разноцветными куполами храм Василия Блаженного... или Блажного?

Храм этот Мишка на картинках видел, но название не запомнил.

Народу на площади было хоть и меньше, чем в метро или на вокзале, но все равно порядочно. Щелкали фотоаппараты, сверкали вспышки, слышались обрывки фраз, и не только на русском, а на всяких разных языках.

Мишке показалось, что далеко впереди, у самой башни, он разглядел яркий платок классной, ее длинное пальто, рядом вроде куртку Андрюхи и тощую маму Ереминой. Сердце ударило гулко и громко, и он ускорил шаг, едва не побежал...

Но те, кого он увидел, исчезли с глаз, скрылись за гуляющими.

Когда он выскочил на открытое место, никого уже не было, лишь закрывались проглотившие очередную экскурсию ворота Кремля.

– Ух ты, ну, – досадливо пробормотал Мишка, сжимая кулаки.

Зато он увидел милиционеров, охранявших Спасскую башню, и заторопился к ним.

И только тут сообразил, что по-прежнему сжимает бесполезный телефон, и сунул его в карман куртки. Но там оказалось занято, в кулак уперлось нечто твердое, округлое и холодное, словно обточенный кусок льда.

Вокзальная находка!

Как Мишка вообще мог про нее забыть?!

Ведь ни разу не вспомнил с той поры, как встретился с Алисой, даже толком не разглядел, что это такое! Хотя можно сделать это сейчас, только отойти в сторону, чтобы никто не обратил на него внимания.

«Яйцо» оказалось даже тяжелее, чем он помнил.

Мишка вновь услышал тиканье, а перевернув находку, убедился, что это и вправду часы.

Четыре циферблата, все черные, и по каждому ползут золоченые, причудливо изогнутые стрелки! Нижний, самый большой – понятно, это время, а вот что показывают три маленьких, расположенные дугой сверху? Один тоже разбит на двенадцать секторов, но в них не числа, а какие-то значки, другой, с семью стрелками, каждая заканчивается хитрой фигуркой, одна как полумесяц, другие вовсе непонятные, а в третьем, без делений, на изогнутом коромысле качаются две стеклянные колбочки.

А, да это же песочные часы, видно, как пересыпаются песчинки через узкие горлышки.

Надо же, часы в часах! И зачем?

Желтый металл между циферблатами не был гладким, его покрывали выпуклые символы – английская «S», пересеченная сверху вниз, а, да это же рисунок доллара, а вот и евро, и вокруг другие разные, незнакомые, но наверняка тоже связанные с деньгами.

В верхней части «яйца», рядом с креплением цепочки, имелось застекленное окошечко, и через него было видно, как внутри крутятся, цепляясь друг за друга, зубчатые колеса, большие и маленькие, как что-то посверкивает в глубине.

Сзади и снизу, напротив большого циферблата, под особой крышечкой, Мишка нашел скважину для ключа.

Ну да, такая штука не может работать на батарейках или от солнца, ее нужно заводить!

Стоит она наверняка больше дорогого автомобиля, а то и квартиры, и за нее запросто могут убить.

От подобных мыслей стало неуютно, Мишка подумал, что надо было выкинуть находку на пустынной станции метро. Пусть с часами и их хозяевами разбирается тот, кто найдет, а у него карманы пустые и вообще он ничего не знает.

Здесь, посреди людной площади, от такой вещи так легко не избавишься, это не фантик от конфеты.

– Молодой человек! – позвал кто-то негромко и ласково, но он все равно обмер, на макушку словно вылили ведро ледяной воды.

– Э, я? – спросил Мишка, поворачиваясь и спешно пряча часы в карман.

Те провалились внутрь, точно мышь в смазанную жиром норку.

– Да-да, вы. – Ласковый голос принадлежал невысокой женщине в смешной шапке, похожей на большую таблетку из серого каракуля и в синем форменном пальто с блестящими пуговицами в виде пятиконечных звезд.

Лицо у нее было самое обычное, но за улыбкой и смеющимися глазами пряталось нечто непонятное.

Это Мишка разглядел сразу, в чем дело, понять не сумел, но мгновенно подобрался, напрягся, даже ноги согнул. Холодное оцепенение ушло, по телу пробежала горячая волна, как иногда бывало перед важным стартом.

Если что, он рванет так, что только пятки засверкают.

– Пойдемте с нами, – продолжила женщина. – Все собрались, только вас ждем.

– Куда? – не понял Мишка.

– Ведь вы же не просто так тут стоите? – спросила она.

– Ну, нет...

– Так пойдете. – Женщина указала на открывающиеся ворота Спасской башни. – Внутри много интересного.

– Э, я... Хм, это дело святое... ну... – Напряжение сгинуло бесследно, растворились мысли о том, что надо обратиться в милицию, решить что-то насчет лежащих в кармане золотых часов.

Их место заняла спокойная уверенность, что все идет как надо.

– Пойдете, – сказал Мишка. – А сколько надо платить?

Билеты на все экскурсии остались у Анны Юрьевны, а где ее теперь искать?

Деньги у него были, но не слишком много, и если окажется, что все очень дорого, то он откажется.

– Все бесплатно, – сказала женщина уже без улыбки, серьезно и очень мягко.

Последние сомнения исчезли и Мишка кивнул.

Через пять минут он проходил Спасскую башню, причем не один, а в составе необычной группы. Каждый здесь был сам по себе, а все вместе совершенно не подходило друг к другу, точно обрывки разных картин, собранные в одной раме.

Очень высокий, но сутулый мужчина в ковбойской шляпе и длинном плаще, из-под которого виднелись сапоги с настоящими шпорами.

Полная женщина с выводком детей лет пяти-шести – их никак не удавалось сосчитать, они неистово носились вокруг матери, будто сошедшие с орбит планеты вокруг Солнца.

Девчонка того же возраста, что и Мишка, бледная и тощая, почти прозрачная, как привидение.

Старичок в валенках, вроде еле шагавший, но с такой тяжелой палкой, что ею запросто можно оглушить медведя. На грудь ему опускалась седая борода, в которой застряли зеленые травинки и листочки.

Это сейчас-то, в январе!

В каждом его спутнике крылось что-то неуловимо чуждое, экзотическое, но при этом не опасное.

Ворота за их спинами закрылись с протяжным скрежетом, и Мишка невольно вздрогнул. Показалось, что вокруг потемнело, но свет тут же вернулся, а женщина в синем пальто, похоже, что экскурсовод, повернулась к остальным.

– Добро пожаловать, – сказала она. – Говорить много я не буду, вы все увидите сами. Увидите и услышите.

Мишка нахмурился – как же так?

Экскурсовод как раз и должен молоть языком, рассказывать всякую всячину.

Но никого, кроме него, подобное заявление не удивило, и они пошли дальше, по обсаженной елками аллее. Впереди, на фоне очистившегося от туч неба засверкали купола сбившихся в кучку старинных церквей.

Когда деревья остались позади, стало видно, что очертания зданий дрожат, как нагретый воздух над асфальтом.

– Да славится имя Христа Вседержителя! – воскликнул мужчина в шляпе и истово перекрестился.

Старичок в валенках хитро покосился на него, но ничего не сказал.

Женщина-экскурсовод повела гостей к стоявшему на постаменте гигантскому, в четыре человеческих роста колоколу. Когда подошли ближе, Мишка разглядел, что в боку у металлической громады не хватает куска, и ему сделалось даже обидно... словно увидел могучего красавца-великана без одной ноги.

– Царь, – прошептала бледная девчонка, и на бескровных губах ее появилась улыбка.

Женщина-экскурсовод нагнулась, осторожно приложила руку к покрытому снежком боку. Секунду ничего не происходило, а затем мир раскололся от обрушившегося на него громоподобного звона.

Мишке показалось, что земля под ногами разверзлась и он летит в тартарары.

Через мгновение сообразил, что все в порядке, единственно болят уши и слегка кружится голова. Вот только Кремль изменился – стены остались, зато церкви исчезли, на их месте возникла стройплощадка.

Поднялись деревянные леса, забегали непривычно одетые люди, заскрипели телеги, нагруженные бревнами и глыбами белого камня. Неимоверно быстро, точно на ускоренном видео, принялись расти храмы – ярус за ярусом, арка за аркой, глава за главой, крест за крестом...

Мишка только рот открыл.

Возникали и исчезали хлипкие деревянные дома, изменялись стены Кремля, по небу со страшной скоростью мчались облака. Возникло ощущение несущегося мимо прозрачного потока, стремительного, могучего, неостановимого.

Он слышал, как разговаривают строители – не все, отдельные слова, вырывающиеся из жужжащего гула. Но этого хватало, чтобы понимать, что и где находится – вот Успенский собор, старейший во всей Москве, вот колокольня Ивана Великого, высокая, как гордыня ее создателя, Бориса Годунова.

Кто такой Годунов, Мишка не знал, но пообещал себе выяснить, поискать в интернете.

Поднимались меж прочих совсем чудные строения, вроде бы настоящие, но в то же время прозрачные, такие, что казалось – шагни внутрь, и пройдешь насквозь, как через туман. И не только строения – вон окруженный колоннадой памятник, величественного вида дядька в мантии с шаром в руке, вон крест в ограде, украшенный табличкой с надписью...

Колокол громыхнул еще раз, и уже все вокруг поплыло, заколебалось.

Словно ветром унесло призрачные здания, сгнули леса, вернулся снег на крышах и аллея с елками.

– В каждом городе есть свое волшебство, – сказала женщина-экскурсовод с улыбкой. – Просто нужно уметь его видеть, а это сложнее, чем кажется на первый взгляд.

«Так уж и в каждом? – подумал Мишка. – Даже у нас, в Заволжье?»

– Конечно, и на твоей родине. – Она посмотрела на него, словно вопрос был задан вслух. – Неважно, что город невелик и не может похвастаться древней историей, все равно в нем есть нечто чудное, увлекательное. Там, где нет ничего подобного, люди не смогут жить.

Неужели эта женщина читает мысли?!

Нет, невозможно...

Просто не выспался в поезде и задремал под рассказ о старинных кремлевских храмах, вот и привиделось неведь что.

– Ты можешь думать и так, ведь это ничего не меняет, – под пронзительным, хоть и не злым взглядом женщины-экскурсовода Мишка невольно поежился: ну точно мысли читает, невероятно. – Прощу за мной.

Когда она отвела глаза, он облегченно вздохнул.

Пока шагали до Успенского собора, он оглядывался, пытаясь обнаружить другие группы – не может быть, чтобы их экскурсия была единственной, где-то тут наверняка ходит Анна Юрьевна с одноклассниками.

Вот бы их увидеть!

Но Кремль был пуст и тих, лишь в небесной синеве кружили черные безмолвные птицы.

Дверь собора, выглядевшая маленькой по сравнению с массивным, нависающим над головой строением, оказалась распахнута. Мишка переступил порог, окунулся в сладко пахнущую ладаном полутьму и остановился.

Не хватало еще сослепу налететь на кого-нибудь.

Когда глаза привыкли, различил тлеющие огоньки свечей, развешенные по стенам иконы, старинные, огромные. Сверху вниз на гостей недружелюбно глянули желтые, суровые лики святых и ангелов с огненными черными глазами.

– В Успенском соборе короновали русских царей и императоров вплоть до Николая Второго, – сообщила экскурсовод вполголоса.

– Почему тут? – спросил кто-то. – В Санкт-Петербурге своих храмов хватает.

– Сила может рождаться только в определенных местах, как и умирать, кстати, тоже. Правильное, истинное действие возможно лишь в конкретной точке пространства, в другой оно не будет значить ничего...

Женщина-экскурсовод замолкла, и вдруг высоко под куполом гроыхнуло, зазвенело, да так, что тряхнуло весь Успенский собор.

– Милость и суд воспою тебе, Господи! Пою и разумею о пути непорочном: когда придешь ко мне?! – затянул вроде рядом, но словно за стеной хор, и стены с колоннами расплылись перед глазами.

Мишка уже не понимал, где он и когда, он видел процессию священников в богатых одеждах, установленный у стены трон, бородача в усыпанной драгоценными камнями мантии, что кланялся и крестился на образа...

– А где все? – спросили рядом тонким обиженным голосом. – Почему я ничего не вижу?

Мишка сморгнул, с усилием, словно каждый глаз весил как гантеля, опустил взгляд.

Неподалеку, растерянно озираясь, топтался отпрыск толстой мамы из их группы. Розовые еще недавно щеки его были белыми, синие глаза блестели от сдерживаемых слез, губы дрожали.

Еще немного, и заплачет.

– Тут, – сказал Мишка. – Иди сюда.

Он не сомневался, просто знал, что поступает правильно, и что иначе нельзя – если кто-то не в состоянии разглядеть то, что доступно твоим глазам, помоги ему и не жалея усилий.

– Да? Ой, я тебя вижу! – Мальчишка подбежал, доверчиво протянул руку.

Мишка взял его теплую ладошку в свою, и они замерли, уже вдвоем созерцая то, что творилось внутри древнего собора.

* * *

Экскурсовод им попала опытная, но больно уж занудная, и Анна Юрьевна, честно говоря, большей частью ее рассказы не слушала. Вчера утомилась, пока добирались до Нижнего, потом провела ночь на узкой полке, где не сомкнешь глаз, да и вообще она бывала в Кремле на экскурсии, шесть лет назад возила сюда прошлый класс.

Водили их обычным маршрутом, говорили о чем-то хорошо знакомом, но не особенно интересном.

Встрепенулась она только у царь-колокола, когда показалось, что откуда-то издалека донесся громкий звон. Обнаружила, что экскурсовод бубнит как и раньше, ничего не заметила, а вот дети вертят головами, прислушиваются.

И Анне Юрьевне почудилось, что нечто идет не так, кого-то не хватает.

Сердце прихватило, и она поспешно пересчитала подопечных – один, два, три... все двенадцать на месте, разве что Котлов, сорванец, стоит немного в стороне и почему-то смотрит в сторону.

Хотя чего от него ждать, спортсмена?

Зачем ему вообще понадобилась эта экскурсия? Сидел бы дома, тренировался.

– Прошу следовать за мной, – сказала экскурсовод тем преувеличенно «культурным» голосом, каким часто обладают всякого рода искусствоведы. – Нас ждет Соборная площадь. Осмотрев этот духовный и исторический центр нашего Кремля, мы отправимся в Грановитую палату...

Анна Юрьевна приободрилась.

В Грановитой палате она не бывала, ту недавно открыли после реставрации, ну а потом их и вовсе поведут в Алмазный фонд. Посмотреть на драгоценные камни женщине всегда приятно, даже если ты простой учитель истории и, несмотря на всю выслугу лет, не можешь позволить себе серьги с бриллиантами.

– Пойдемте, – сказала экскурсовод, и группа вслед за ней направилась в сторону Успенского собора.

Только вот Миша Котлов почему-то не пошел за остальными...

* * *

Ждать Антон не любил.

Конечно, приказ Босса, но разве так важно торчать на том месте, где он в последний раз видел мальчишку? Стоять будто пенек среди толпы, делать вид, что ты не просто debil, раскорячившийся на самом ходу и всем мешающий.

Он честно выдержал десять минут, а потом плюнул и отошел.

На Босса работала куча народа, и всех Антон знать не мог, но он подозревал, кого именно пришлют сюда. Есть в бизнес-империи такие люди, что отыщут не только иглу в стоге сена, но и таракана в корабельном трюме.

Найдут и сделают так, что он перестанет мешать.

Подозревать-то подозревал, но все равно поежился, когда увидел спускающуюся по эскалатору парочку.

– Вот как, в лучшем виде, – пробормотал Антон, думая, что дело серьезное, если прислали этих двоих.

За глаза их звали Охотниками, а в лицо... в лицо старались никак не называть.

Слишком уж неприкрытую угрозу излучали они, чересчур опасными выглядели – для опытного человека, конечно.

Один высокий и бледный, точно смерть, в кожаной косухе с множеством заклепок, в перчатках без пальцев и черной бандане. Второй пониже, с копной рыжих волос и вечной улыбкой на круглой физиономии, одетый в неряшливый камуфляж, словно охранник с Черкизовского рынка.

На первый взгляд ничего особенного, но это только на первый... Если не смотреть в глаза.

– Привет, пацаны. Как дела? Как доехали? – заюлил Антон, когда Охотники подошли к нему.

– Где след? – спросил бледный.

Лицо его всегда оставалось неподвижным, даже губы не шевелились, когда он говорил. Под тонкой кожей угадывались острые углы, какие-то металлические прожилки, словно у киборга из железа, обтянутого искусственной плотью.

– Мой коллега хочет сказать, что мы крайне озабочены порученным нам делом и не хотим тратить время на болтовню, – пояснил рыжеволосый, потирая большие, мокрые от пота ладони.

Из рукавов у него сыпались крошки, в шевелюре что-то шевелилось, под камуфляжем тоже нечто двигалось, как у фокусника, прячущего под одеждой выводок змей.

«Нет, это мне с перепуга мерещится», – подумал Антон, облизывая пересохшие губы.

– В лучшем виде, пацаны... Вот, около этой колонны я его потерял, – сказал он, указывая туда, где в последний раз видел мальчишку прежде чем полететь кувырком через проклятого барбоса.

– Очень хорошо, – протянул рыжеволосый и принялся шумно дышать, втягивая воздух носом, точно собака.

Бледный же и вовсе завращал белесыми, будто слепыми глазами в разные стороны.

Антон даже уловил нечто вроде металлического скрежета, и ему дико захотелось убраться подальше от этих типов... но куда денешься, если Босс приказал работать с ними?

– Зафиксировал, – сказал бледный.

– Да, запах очень четкий... страх, золото, острое зрение... – пробормотал рыжеволосый. – Пойдем-ка, посмотрим, куда отправился наш маленький друг... о, да он не один... как странно!

Антону очень хотелось спросить, что обнаружили «коллеги», но он побоялся.

Охотники двинулись вперед одновременно, точно скованные незримой цепью, пошли в сторону, раздвигая толпу, как два ледокола. Миновали лестницу, ведущую на другую линию метро, и остановились перед гладкой стеной, облицованной светло-синей плиткой.

– Ушел туда. – Бледный поднял руку и ощупал стену, словно проверяя, настоящая ли она.

– Это что, типа шутка, пацаны? – Антон засмеялся, но быстро замолк, настолько жалко прозвучал его смех.

– Мы никогда не шутим без крайней на то необходимости, – буркнул рыжеволосый. – Неприятно! Нам здесь не просочиться!

– Прогноз негативный, – подтвердил бледный.

– Придется двигаться по поверхности. – Рыжеволосый поковырял в носу, вытащил из ноздри что-то вроде опарыша и небрежно швырнул на пол, отчего Антона едва не стошнило. – Полетишь с нами?

– Ну да, в лучшем виде...

Нет, он с большим удовольствием отправился бы куда-нибудь еще, а не на охоту за Предметом, но приказ Босса есть приказ Босса, и если его нарушишь, то вскоре обнаружишь, что такие вот Охотники ждут тебя в твоей же спальне.

И Антон, тяжело вздохнув, двинулся вслед за «коллегами».

Наверху, припаркованная под «кирпичом», их ждала машина – огромный джип, выкрашенный в буро-кирпичный цвет и напоминающий крепость на колесах, разве что без пушек.

– Пристегнись, – велел рыжеволосый, когда Антон занял место на заднем сиденье.

И они понеслись...

Глава третья

Куда они ходили еще, что и в каком порядке смотрели после Успенского собора, Мишка не запомнил.

В голове осталась пачка сверкающих разноцветных картинок, обрывки звуков – мягкое, но в то же время грозное пение клинков Оружейной палаты, многоголосый звон драгоценных камней, голоса башен... все слишком необычное, чтобы существовать на самом деле.

Куда исчезли его спутники, Мишка не знал, сам себя он обнаружил в Александровском саду, неподалеку от кремлевской стены.

С вновь укрывшегося тучами неба сыпал снег, по дорожкам ходили люди, каркали рассевшиеся по веткам вороны. Голова гудела от обилия впечатлений, мысли путались, с неохотой выстраиваясь в ряды, а в животе ощущалась сосущая пустота.

А, точно, у него же есть сделанные мамой бутерброды!

Парочку Мишка умял утром, когда пил чай в вагоне, но остальные-то никуда не делись!

Он отыскал свободную лавочку и заглянул в рюкзак – вот они, и с колбасой, и с сыром, и еще два банана!

– Карр? – поинтересовалась ворона, приземлившись в нескольких шагах от Мишки.

Смотрела заинтересованно, всем видом показывала, что этот вот большой бутерброд – предел ее мечтаний.

– Ух ты, – сказал он. – Ты голодная?

– Карр, – согласилась ворона и даже крыльями нетерпеливо махнула: какой ты непонятливый!

– Ну тогда держи.

Ворона, получив кусок колбасы, упрыгала с ним под лавку, а Мишка принялся за бананы. Доев последний, порывлся в рюкзаке и с грустью убедился, что припасы на этом закончились.

Да, а их ведь обещали кормить обедом в «Макдональдсе»... Обед – дело святое.

Вспомнив, что он так и болтается по Москве отдельно от класса, Мишка слегка погрустнел. Наверняка Анна Юрьевна позвонила родителям, и папа расстроился, а мама и вовсе ударилась в слезы.

Сунув руку в карман, он вытащил сотовый – может быть, заработает?

Телефон чудесным образом откликнулся на прикосновение – ожил, засветился экраном и даже показал полный заряд батареи. Вот только когда Мишка полез в «Контакты», начал чудить – предъявил сначала список аудиофайлов, затем смс-ки, и начал открывать их по одной, хотя никто его об этом не просил.

– Карр! – сказала прикончившая кусок колбасы ворона.

– Все, больше ничего нет. – Мишка расстроено покачал головой.

Развел руками, показывая, что они пустые, и сразу же на скамейку присел мальчишка.

Откуда он взялся, не очень понятно, вроде бы только что и в десяти шагах никого не было. Незнакомец ухмыльнулся, блеснул желтыми хитрыми глазами из-под мохнатой серой шапки и спросил негромко:

– Проблемы?

– Да вот, сотовый глючит, – хмуро отозвался Мишка.

Этому-то чего надо, тоже колбасы, что ли?

– Давай помогу, – предложил мальчишка. – Я на них собаку съел, и не одну.

И улыбнулся так, что Мишке представилось, как этот пацан в смешной вязаной куртке и в чем-то вроде унт на ногах грызет жареную дворняжку, усевшись на грудку из телефонов и коммуникаторов.

– Ну, держи... – сказал он без особой охоты.

– Так, посмотрим, что здесь, – проговорил мальчишка, поворачивая сотовый и так и сяк. – Ха, просто!

И, вскочив с лавки, побежал прочь.

Мишка замер в ступоре, но только на мгновение, а потом его будто сорвало с места. Позади осталась и обида на то, что его взяли так вот и ограбили среди бела дня, и гнев на себя, остолопа, в очередной раз поверившего незнакомому человеку, и злость на москвича в лохматой шапке...

Сейчас он хотел только одного – догнать!

Мелькнула мысль, что увидь этот старт Юрий Анатольич, он бы одобрительно хмыкнул и показал большой палец. Мишка словно выстрелил собой и помчался по дорожке, под ногами заскрипел снег, понеслись назад черные деревья без листьев.

С негодующим ворчанием шарахнулась в сторону старушка, но он не обратил на нее внимания.

Существовала только цель, и, кроме нее, ничего не имело значения.

Утащивший телефон мальчишка обернулся на ходу, брови его поднялись, желтые глаза округлились. Он побежал быстрее, сгорбился, точно собираясь встать на четвереньки и удирать так, но оказалось поздно.

Мишка очутился рядом, вцепился в воротник куртки москвича, останавливая того на бегу.

– А ну отдай! – рявкнул он.

– Тихо-тихо. – Мальчишка уклонился от нацеленного в лицо удара, ловко крутанулся на месте и вывернулся из захвата.

Отскочил на пару шагов, но удирать и не подумал, примирительно выставил руки.

– Отдай! – повторил Мишка, сжимая кулаки. – Сейчас получишь!

Он завертел головой, выискивая, чем бы вооружиться, – о, вон из сугроба торчит ветка. Сделать шаг, схватить покрепче, и получится дубинка, которой наглый москвич получит по хребтине!

Так он и сделал.

– Имеет значение не только то, чем бьешь, а как и куда. – Мальчишка брезгливо улыбнулся. – Оружие тебе не поможет.

Ну ничего себе, сначала сотовый упер, а теперь еще советы дает!

– Отдай! – повторил Мишка, выкидывая ветку.

А то так нечестно – враг-то с голыми руками.

– Отдам, не бойся, – сказал мальчишка, улыбаясь уже вполне мирно. – Я же пошутил. Убежал бы, а потом вернул. Не вопрос.

Он, похоже, говорил правду – смотрел прямо, глаз не отводил, держался спокойно, да и голос звучал уверенно. Мишка тяжело дышал, понемногу приходил в себя после бешеного рывка, в животе тяжело переваливались недавно съеденные бутерброды.

– Я Олег, – представился мальчишка и протянул сотовый хозяину. – Хорошо бегаешь.

– Ну, это... – Мишка хотел бы скрыть, что похвала ему приятна, но не сумел. – Да уж...

Михаил я.

Вранье всегда давалось ему непросто, да и не удавалось, если честно.

– Хорошее имя, сильное, – одобрил Олег и вновь искренне, без фальши и желания угождать. – Извини, но я тебе помочь не смогу. Мобильник твой сломан, и я не знаю, что с ним делать.

– Вот и я не знаю.

Эх, если бы хоть номер классной посмотреть... затем попросить сотовый у Олега, набрать с него.

Мишка попробовал сначала в «Контактах», затем в «Журнале вызовов», но ничего не добился – аппарат на нажатия отзывался, но как-то хаотично, бестолково, и запускал совсем не то, что нужно.

– Ты не знаешь, нет тут рядом мастерской, где мобильники ремонтируют? – спросил он.

– Есть такая, на Сивцевом Вражке, – сказал Олег. – Только не поможет. Долго чинят. Несколько дней. Тебе ведь прямо сейчас надо?

– Ага. – Мишка кивнул.

Накатило желание заплакать, но он сдержался – не хватало еще раскиснуть, как девчонка!

– Симку вытащи, – посоветовал Олег. – Воткнем в мой. Позвонишь.

И он достал из кармана пухлый серебристый «Сименс», телефон тех времен, когда не было ни то что тачскринов, а даже полифонии, мобильного интернета и цветных экранов – Мишка видел такой, запыленный и забытый в ящике со всяким барахлом, когда с родителями ходил в гости к дяде Коле.

– Давай попробуем, – сказал он.

Но задняя крышка, всегда открывавшаяся легче легкого, на этот раз заупрямилась и сниматься отказалась. Мишка вспотел, пытаясь подцепить ее, чуть не сорвал ноготь, но ничего не добился.

– Ну что за дела! – с досадой пробормотал он, отгоняя желание швырнуть упрямый аппарат оземь, чтобы разлетелся на детали.

– Да ладно, оставь. – Олег спрятал свой раритет. – Ты не местный?

– А что, так заметно?

– Москвич мобильник в чужие руки не отдаст. Злой тут народ, подозрительный.

– Я тоже скоро стану злой и подозрительный. – Мишка перевернул сотовый, увидел, что тот заново отключился и возвращаться к жизни не собирается. – Ну и вот что мне теперь делать?

Олег воспринял вопрос буквально.

– Поехали со мной в Измайловский. На лыжах кататься. Ты правильный, сможешь.

Предложение выглядело так нелепо, что Мишка даже опешил, а последнюю фразу вовсе не понял. Какие лыжи, ему ведь нужно отыскать одноклассников, а для этого пойти в милицию и сказать, что он потерялся?!

А так ли нужно?

Даже если вдруг чудом его вернут к Анне Юрьевне и остальным, что его ждет? Ехидные взгляды Ереминой, язык Светки, сердитые реплики классной и постоянное ощущение, что он не на своем месте, что вместо него мог поехать кто-то другой, более достойный, тот же почти отличник Веденеев.

Очкарик, да еще и рохля, каких поискать.

А погода самое то для прогулки по лесу – не холодно, снег идет, но ветра нет.

– Святое дело, – сказал Мишка, понимая, что вот-вот, и согласится, сотворит очередную глупость за сегодня. – Только у меня нет ничего, ни лыж, ни ботинок... как я с вами поеду?

– Не вопрос, – Олег махнул рукой. – Все найдем. Ну что, двинули?

– Двинули. – Мишка обреченно кивнул.

Одной глупостью меньше, одной больше, какая теперь разница?

Новый приятель повел его прочь от Кремля, и вскоре красные башни со стенами исчезли из виду. В метро они проникли через удивительно безлюдную, уютную и маленькую станцию, рядом с которой стоял чудной памятник – высеченный из серого камня волк сердито рычал, шерсть на загривке стояла дыбом.

Олег не открывал рта, но Мишке постоянно казалось, будто тот что-то говорит.

Хотелось прислушаться, разобраться, что же такое произнесено шепотом, прямо в ухо, так что мочкой ощущаешь дуновение воздуха.

– Что ты сказал? – не выдержал он, когда они спустились по эскалатору и ждали поезда.
– Только то, что нужно, – ответил Олег.

Как это понимать, Мишка спросить не решился.

Вагон им достался особенный, не вагон даже, а настоящая художественная галерея на колесах: стены увешаны картинами, вон «Витязь на распутье», он еще в учебнике каком-то был, вон панорама древней Москвы, видны купола многочисленных церквей, вон портрет женщины в цветастом платке.

Пока их разглядывал, они уже и приехали.

Выбравшись на перрон, Мишка с удивлением обнаружил, что станция метро расположена на поверхности. С одной стороны от путей находился обыкновенный, забитый машинами проспект, зато с другой простирался заснеженный лес – ряды стволов, настоящие сугробы, повисшие на ветках.

– Классно! – воскликнул он, глядя на это чудо.

– Приехали, – сказал Олег. – Вон парни ждут.

Друзья у него были такие же молчаливые, все, несмотря на разную внешность, чем-то походили друг на друга. Одного звали Игорем, другого Всеславом, имя третьего, самого высокого, с ехидной ухмылкой на конопатой физиономии, Мишка не запомнил, хотя вроде бы слышал, да и не показалось оно сложным.

Без лишних слов ему выдали лыжи, палки и даже ботинки с шерстяными носками.

В другой раз Мишка удивился бы, но в этот день наизумлялся на полгода вперед, так что даже слегка очумел.

– Сейчас померяем, – сказал он, усаживаясь на лавочку.

Ботинки подошли идеально, а свои зимние кроссовки сунул в пакет и убрал в рюкзак.

– Готов? – спросил Олег и, дождавшись ответного кивка, добавил: – Начнем тихо.

С протоптанной дорожки ушли на лыжню и неспешно покатали вглубь парка.

Морозный воздух приятно обжигал лицо, палки с хрустом упирались в сугробы, мимо плыли серые стволы, похожие на колонны. Мишка чувствовал, как разогревается, как уходит прочь сегодняшние тревоги, отступает беспокойство, похожее на опутавшую сердце темную паутину.

Они встретили еще нескольких лыжников, потом свернули в совсем дикий бурелом, и тут шедший первым Олег добавил хода.

Когда начался длинный и крутой подъем, Мишка понял, что понемногу, шаг за шагом отстает: мешал рюкзак, не очень удобно было в джинсах, да и куртка оказалась тяжеловатой для занятий спортом.

Озлился сам на себя и резвее заработал палками... нет, так просто он не сдастся!

Он хрипел, пот заливал глаза, ноги подгибались, фигуры Олега и его друзей расплывались, но он рвался и рвался вперед. А потом неожиданно обнаружил, что подъем закончился, они стоят на вершине холма, впереди белым языком лежит широкий спуск, а во все стороны до горизонта тянется зеленая шкура хвойного леса, настоящей, дикой тайги, какой не место в городе.

Никогда он не думал, что бывают такие большие парки!

– Хорошо, молодец, – похвалил Игорь.

Мишка не смог ничего ответить, не хватило дыхания.

– Помчались! – закричал Олег и, глядя в небо, неожиданно взвыл точно настоящий волк.

Налетевший ветер швырнул в лицо горсть снежной крупы, справа и слева заплясали белесые колючие клубы, скрывая все вокруг, превращая мир в переплетение смутных теней и туманных уродливых силуэтов...

Мишка толкнулся палками и поехал вниз.

Он не боялся упасть, не осознавал, где он и что делает, не вспоминал о прошлом и не думал о будущем. Он мчался по склону, наслаждаясь бешеной скоростью, неистовым танцем выюги, бьющим в лицо холодным ураганом, что выжимал из глаз ледяные слезы.

Олег и остальные были впереди, порой они вовсе пропадали из виду, иногда их фигуры причудливо искажались. Чудилось, что четыре огромных серых зверя легко скачут по сугробам, блестят острые зубы в улыбающихся пастьях, снег летит с когтистых лап, с пушистых хвостов...

Вставали по сторонам размытые силуэты, будто великаны-зрители хлопали проносившимся мимо лыжникам. Склонялись над головой, затем отступали, им на смену из снежного занавеса выдвигались другие, еще более дикиховинные, ощетинившиеся ледяными иглами.

Восторг и радость дрожали в сердце, не оставляя место иным чувствам.

В какой-то миг Мишка смог-таки удивиться, почему склон такой длинный, и тут все закончилось.

Метель отступила, исчезла, словно ее выключили, лыжи перестали катиться сами по себе. Впереди выросла стена из старых елей, закачались зеленые лапы, со стрекотом полетела прочь сорока.

– Жаль, мало, – сказал Олег, поворачиваясь, так что стало видно разгоряченное лицо. – Спасибо все равно. Ты продержался, сколько мог. Не вопрос.

– За что? – удивился Мишка.

– Без тебя ничего не было бы, – пояснил Игорь, плечистый и черноглазый. – Нужна вера.

Очень хотелось разобраться, что здесь такое происходит, но Мишка решил промолчать – похоже, что внятных ответов ему все равно не дадут, да и нужны ли они, эти ответы для того, чтобы насладиться лыжной прогулкой?

– Отдохнули? – спросил Олег. – Двигаем дальше.

И они покатали вглубь леса, уже не по лыжне, а по чистейшему белому снегу, похожему на свежую простыню. Мишка с удивлением увидел зайца, на дальней прогалине мелькнуло нечто рыжее, с длинным хвостом, из кустов с хрустом высунулся пяточок, а за ним показалась морда здорового кабана.

Он хрюкнул и проводил мальчишек неприязненным взглядом.

И это все в Москве?

Впереди показались колоссальные деревья, раскинувшие руки-ветви далеко в стороны. Приглядевшись, Мишка сообразил, что это дубы, необычайно старые, судя по толщине стволов.

– Ух ты! – проговорил он, задирая голову. – А Соловей-разбойник тут не прячется?

– Тихо! – не оборачиваясь, через плечо бросил Олег.

Ветра не было, но дубы закачались, зашелестели и заскрипели ветвями, и в этих звуках Мишке слышались слова. У гостей будто осведомились о чем-то, и ответ оказался таким же безмолвным, как и вопрос – вот один москвич склонил голову, второй встряхнулся всем телом, третий поводит перед собой руками, точно отгребая нечто невидимое.

А затем они одновременно сдвинулись с места.

Мишка покати следом.

Проехал меж двух дубов, ветка толщиной с него самого проплыла над самой головой. Открылась поляна, круглая, будто тарелка, и в середине ее – несколько торчащих из снега громадных пней.

Хотя нет, не пней, искусно вытесанных из дерева идолов!

Мишка видел глубокие темные впадины глаз, искривленные рты, брови и рога, руки-сучья. Но и деревянные существа будто изучали его, он ощущал тяжелые взгляды, не враждебные, но оценивающие.

Женщина, огромная, массивная, ладони сведены на выпуклом, как у беременной, животе. Мужчина с дубиной в корявой лапе, половина лица чистая, половина иссечена мелкими зарубками, изображающими волосы, еще один мужчина, с бородой и шестиконечным колесом во лбу, оскаленная звериная голова на человеческих плечах, изогнутые птичьи крылья и когтистые лапы...

Накатил страх, захотелось развернуться и дать стрекача.

Но Мишка сдержался, даже ничего не сказал, когда спутники его одновременно глубоко поклонились.

– Достаточно, – сказал Олег. – Мы увидели. Нас увидели.

Уходить с поляны пришлось, птясь, а на лыжах делать это не очень удобно.

Мишка вспотел снова, едва не шлепнулся в сугроб, а одна палка зацепилась за ветки, так что пришлось повозиться, ее выпутывая. Когда справился с этим делом, обнаружил, что москвичи собрались вокруг него в кружок и смотрят почти так же, как давешние идола.

– Ты нам помог, – проговорил Олег, ухмыляясь. – Теперь мы поможем. Не вопрос.

– Святое дело, – согласился Мишка, хотя не очень понял, честно говоря, о чем речь. – Только...

– Смотри, – прервал его Игорь.

Развернувшись, он легко толкнулся палками и вдруг словно исчез, а появился через добрых десять метров.

– Это называется рывок. – Олег улыбнулся, блеснули белые острые зубы. – Попробуй.

Мишка растерялся:

– Но я не смогу, я не знаю...

– Сможешь. Ты же делал это, когда мы только знакомились. Помнишь, что чувствовал тогда?

– Хотел тебя догнать.

– Нет, – Олег покачал головой. – Желания мало. Ты должен и его оставить позади. Пробуй.

Мишка не очень понимал, что от него хотят, но решил попытаться.

Посмотрел туда, где стоял Игорь, и даже вроде захотел попасть к нему, затем двинулся с места.

– Стой, – сказал Олег. – Отбрось желание. Оно должно остаться позади. Иначе никак. Только опередив свое желание, ты сможешь обогнать и чужое. Вообще все сможешь. Ясно?

Мишка хлопал глазами, соображая, что от него хотят, и понемногу начинал злиться – может быть, над ним издеваются, завезли в дикий уголок парка, куда люди не заглядывают, и веселятся себе?

С москвичей станется.

– Дай сюда рюкзак. – Олег оставался серьезным, и голос, и глаза, а его приятели и вовсе молчали.

Нет, не похоже, что тут глумятся над чужаком...

Мишка снял поклажу и не успел оглянуться, как она полетела в заросли.

– Эй! – сердито крикнул он.

Злость ударила обжигающей волной и отхлынула, обида вскипела и тут же исчезла, ее сменило желание – успеть, оказаться таким быстрым, как только возможно. Непонятным образом растворилось и оно, осталось лишь собственное движение в оцепеневшем и плоском, лишившемся объема мире.

Хрустнул под лыжами снег, хлестнула по боку ветка, попала в глаз шальная снежинка.

И Мишка замер, схватив за лямку не успевший упасть в снег рюкзак.

– Как это... – протянул он. – Как?

– Теперь ты знаешь, – донесся из-за спины спокойный голос Олега. – А значит, сможешь.

– Но я не понимаю, как!

– Чтобы делать это, не нужно понимать. Когда надо, сумеешь. Двинули.

И Мишка, повесив рюкзак на спину, встал вслед за Всеславом и заработал палками. Через полсотни метров дикая тайга, наводящая на мысли о Сибири, закончилась, вновь появилась лыжня.

Они проехали мимо пруда, в середине изо льда торчал напоминавший бородавку островок.

А затем деревья разбежались в стороны, и открылся вид на холм, на вершине которого стоял похожий на свечку белоснежный храм. Слева за ним угадывалась излучина реки, вдоль берега ее были разбросаны деревянные здания старинного вида – еще одна церковь, несколько бревенчатых башен.

Справа от холма тянулся парк, а за ним располагался настоящий дворец, словно перенесенный из сказки – зеленые крыши, крохотные оконца, металлические флюгеры на башенках.

– Ух ты! – воскликнул Мишка.

Подул ветер, из серых, низко бегущих облаков вновь посыпался снег.

Но метель не мешала, наоборот, она стала чем-то вроде увеличительного стекла – через снежные вихри можно было рассмотреть всякие мелочи, от надписи на боку серого валуна, гласившей «Сулиборь хрест», до завитушек, украшавших большие нелепые ворота из черного металла.

По дорожкам между зданиями ходили люди, на большом катке царила настоящая давка. Неспешно катили забитые детишками сани, тащили их две увешанные лентами и колокольчиками лошаденки.

– Да тут все живое! – воскликнул Мишка, когда ему показалось, что и холм, и река, и сад, все это колыхается в такт неспешному дыханию.

– Так и есть, – Олег кивнул. – Иногда нужна капля внимания, чтобы ощутить себя живым. Правильного внимания.

– А если оно окажется неправильным? – спросил Мишка.

– То ничего не выйдет. Жизнь не проявит себя. Снимай лыжи, дальше так двинем.

– Ну раз так, то так...

Переобуваясь, Мишка с удивлением заметил, что совершенно не устал после этой прогулки, хотя и носились как бешеные, и в гору лезли, и вообще, неизвестно сколько протопали. Он натянул кроссовки и с удивлением уставился на Всеслава, воткнувшего лыжи с палками в сугроб под деревом.

– Вы их что, тут оставите?

– Конечно, – отозвался Олег. – Никто не возьмет. Пойдем.

И они зашагали вниз по склону холма, туда, где у заводи крутилось колесо деревянной мельницы.

* * *

Московский «Макдональдс» ничем не отличался от нижегородского: те же пластиковые столы, аляповато раскрашенный клоун на лавочке, громкие выкрики «Свободная касса!» и запах картошки-фри.

Войдя внутрь, Анна Юрьевна невольно поморщилась.

– Ну что, есть хотите? – спросила она, поворачиваясь к подопечным.

– Да! – Ответ прозвучал дружно, даже Андрей оторвался от очередной игрушки в айфоне.

– Тогда идите, занимайте места. Мы... – Анна Юрьевна осеклась. – Стоп, где Котлов?

Дети стояли кучкой, смотрели на класную руководительницу голодными глазами, а вот Миши среди них не было.

– Может быть, в туалет побежал? – предположила Елена Владимировна.

– Орлов, проверь! – рявкнула Анна Юрьевна, а сердце в груди у нее забилося часто-часто. Когда она в последний раз видела Котлова?

Вроде бы в Кремле, когда они выходили из Грановитой палаты... или это случилось раньше, после осмотра Успенского собора?... или нет, его не было уже у Спасской башни, когда она отдавала билеты контролеру, но почему-то не заметила, что детей стало на одного меньше?!

Нет, такое невозможно.

И если бы Котлов потерялся, заплутал, он обязательно позвонил бы!

– Там его нет, – доложил вернувшийся из туалета Орлов и шмыгнул носом. – Пусто.

Кстати... ведь она и сама может набрать номер Миши!

Анна Юрьевна торопливо полезла рукой в сумочку, истово надеясь, что она просто-напросто не услышала звонка, и на смартфоне есть пропущенный вызов от абонента «Михаил Котлов», да и не один...

Но надежда не оправдалась.

Пришлось рыться в списке контактов, прежде чем прижать холодный аппарат к уху.

– Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сообщил бесстрастный женский голос.

– Как же так? – пролепетала Анна Юрьевна. – Этого не может быть...

И тут же взяла себя в руки – она классный руководитель и не может выглядеть жалкой и растерянной на глазах у детей.

– Так, кто когда видел Мишу? – сказала Анна Юрьевна строгим начальственным голосом. – Вспоминаем! Это важно! Понимаете?

– На вокзале, – сказал Андрей Орлов.

Ну, этого можно в расчет не принимать, он ничего не замечает кроме айфона.

– Да, на вокзале он был. – Настя Еремина наморщила лоб. – А в музее не было, вот. Появился в Кремле, а потом опять пропал.

– То есть как в музее не было, а в Кремле появился? – удивилась Анна Юрьевна.

Эх, дети, напридумывают невесть что и сами в это поверят!

– Был он там, – буркнул Маркуша Фридман. – А вот в Грановитую палату мы без него ходили.

– Ладно, хватит! – Анна Юрьевна нетерпеливо махнула рукой. – Елена Владимировна, прошу вас, будьте добры, покормите ребят и присмотрите, а я пока займусь поисками Миши...

Из «Макдональдса» никто никуда не денется, да и Еремина-старшая присмотрит.

Ну а ей нужно сначала позвонить в Исторический музей, спросить, не находился ли у них там потерянный мальчик, затем в экскурсионную службу Кремля... ну а потом, если от первых двух звонков не будет толка, придется обратиться к органам правопорядка.

При одной мысли о милиции у Анны Юрьевны закружилась голова.

Москва, огромный, шумный и грязный город, набитый опасными людьми.

Страшно представить, что может произойти в нем с одиноким мальчиком, да еще таким доверчивым, как Котлов!

* * *

Багажник буро-кирпичного джипа выглядел огромным, но все же когда оттуда извлекли лыжи, Антон не выдержал.

– Это че, пацаны? У вас там четвертое измерение, что ли? – нервно спросил он.

Бледный Охотник на это ничего не сказал, а вот рыжеволосый покосился и выразительно сплюнул. Плевков угодил в сугроб и с негромким шипением погрузился в него, оставив черную дырочку.

Антон сглотнул ком в горле.

При виде третьей пары лыж он загрузил окончательно – на чем-то подобном он катался только в детстве и, честно говоря, успел с тех пор забыть, как пользоваться этими штуковинами.

– Тут такое дело... Вы и меня с собой возьмете? – поинтересовался он.

– Несомненно, коллега. – Рыжеволосый улыбнулся, показал вымазанный зеленым язык. – Твоя помощь может оказаться незаменимой в этой дикой чащобе, где обязательно должны водиться чудовища.

Где они припарковались, Антон не очень уловил, понял только, что на окраине Измайловского парка.

– Ну и ботва, – пробормотал он, изучая доставшиеся ему лыжи.

Это мало напоминало те узкие, легкие штуки, на которых скользили биатлонисты в телевизоре – широкие лопасти, да еще и подбитые снизу кусками шкуры, вместо креплений непонятно из чего сделанные петли.

– Ну что, долго тебя ждать? – поинтересовался рыжеволосый Охотник.

– В лучшем виде, – отозвался Антон, чувствуя себя полным идиотом.

Его совсем не радовала лыжная прогулка, особенно вот на таких вот раритетах, да еще и в метель. Но деваться некуда – пока обстоятельства не изменились, придется таскаться с этими жуткими типами.

И на кой ляд пацан полез в Измайловский парк, с ума сошел, что ли?

Идти на лыжах оказалось легче, чем он думал, и Антон даже немного прибодрился. Проводил любопытным взглядом попавшихся навстречу девчонок в ярких костюмах – ничего, симпатичные, в другой раз можно бы и остановиться, поболтать и познакомиться, но не сейчас, когда он при деле.

Хуже стало, когда пришлось сойти с протоптанной дорожки – палки утопают в сугробах, ветки лезут в лицо, сверху сыплется снег, в лицо дует, а ноги то и дело заваливаются набок, так что в ботинках уже сыро.

Антон терпел, хотя про себя беспрерывно ругался.

Бледный Охотник шагал первым и двигался, казалось, совершенно без усилий, рыжеволосый даже на лыжах ухитрялся красться, низко пригнувшись, то и дело поворачивал голову из стороны в сторону.

Ноздри его раздувались, глаза горели.

Остановились они так резко, что Антон едва не полетел кувырком, затормозил в последний миг.

– Что за... – начал он и замолк, понимая, что след впереди кончается.

Лыжня просто обрывалась у усыпанной алыми ягодами рябины, точно пацан прямо с этого места улетел в небеса.

– Это как? – Антон даже посмотрел вверх, словно беглый мальчишка мог сидеть в ветвях.

– Потеря пеленга, – сообщил бледный безо всякого выражения. – Транс-перенос.

– Несомненно, – согласился рыжеволосый, и вот в его голосе прозвучала досада. – Мерзостный запах... Их было несколько, и они взяли его с собой! Но зачем, почему?

– Информации недостаточно для ответа.

– О чем вы вообще толкуете, пацаны? – заорал Антон, окончательно выйдя из себя. – Офонарели? Фигня какая-то творится! Где пацан с Предметом? Я вообще ничего не просекаю!

С самого утра все пошло наперекосяк – сначала непонятно откуда взявшийся мальчишка испортил дело, а погоня за ним, обещавшая стать легкой прогулкой, превратилась в дурацкий фарс! Уходящий в стену след, закончившаяся тупиком лыжня, и два кровожадных полудурка!

Бледный Охотник обернулся, во вскинутой руке блеснул металл.

Рыжеволосый прыгнул на Антона, точно огромный кот, сбил его с ног, вмял в снег. Громыкнул выстрел, пуля с визгом срикошетила от ствола, посыпались сбитые с ветки иголки.

– Отвлекающий фактор, – сказал бледный.

– Брось! – рявкнул рыжий, от которого пахло сырой собачьей шерстью, грибами и гнилью. – Он того не стоит!

Тут Антон сообразил, что Охотник не напал на него, а спас от верной смерти!

От страха он даже вспотел, попытался отползти в сторону, но не смог опереться на трясущиеся руки.

– Почему? – спросил бледный. – Он мешает, надо убрать.

– Коллега, Босс этого точно не одобрит. – Рыжий поднялся одним гибким движением. – Вынужден признать, что этот урод не нравится и мне, но его убийство не приблизит нас к цели.

– Да я... в-вы... пацаны... – Антон наконец сумел сесть. – Вы че, оборзели?

К-козлы!

Рыжий нагнулся и взял его за горло, вроде нежно, но в шее хрустнуло, а в глазах потемнело.

– Очень хорошо будет, если ты исчезнешь с наших глаз и не станешь больше нам мешать, – разобрал Антон через нарастающий в ушах рокот, а затем он вновь смог дышать, холодный воздух хлынул в глотку.

– Карр! – донеслось сверху, и на верхушку рябины села толстая, откормленная ворона.

Рыжий сделал неуловимое движение, щелкнул пальцами, птица нервно забила крыльями и камнем рухнула наземь.

– Отвлекающий фактор ликвидирован, – констатировал бледный, в руке у которого больше не было пистолета.

– Точно. Пошли.

Заскрипел снег под лыжами, качнулись ветки, и Антон остался один.

Шевелясь с трудом, словно побывавший под колесом велосипеда червяк, он поднялся, ощупал шею. Нет, хватит с него сумасшедших на сегодня, нужно выбраться из проклятого парка и позвонить Боссу.

Ну а там – как он скажет.

Глава четвертая

Сколько они гуляли, Мишка сказать не мог – может быть, час, а может, и все три...

Ощущение времени исчезло, точно огонь задутой свечи, и он ходил, смотрел и слушал, жадно поглощал впечатления.

Они побывали в самой настоящей кузнице, где лупил молотом могучий кузнец в фартуке, и тек в формы раскаленный металл. Заглянули на Соколиный двор, где в клетках сидели нахохлившиеся хищные птицы, а воняло кровью и сырым мясом.

Постояли на древнем городище, где из-под земли поднимались длинные, необыкновенного вида дома. Походили по аккуратному огороду, где даже сейчас, зимой, резко и приятно пахло травами. Забрались на колокольню, постояли на крохотной площадке, где свистел ветер, несший крупные хлопья снега.

Отсюда становилось понятно, что обычная, современная Москва рядом, рукой подать.

За не такой уж и далекой оградой виднелись многоэтажные дома, ездили машины, на горизонте вставали небоскребы.

– Ну вот и хватит, – сказал Олег, когда они со всех сторон оглядели похожий на игрушку дворец.

– Чего хватит? – не понял Мишка.

– Тебе на выход. А у нас свои дела.

Олег и его приятели стояли в ряд, плечом к плечу, и улыбались одинаково хищно и радостно. И еще – и это хорошо было видно в сгущающихся сумерках – у них чуть заметно светились глаза.

Восемь желтых огоньков, спокойных, не злых, но при этом наводящих оторопь.

– Вон там метро. На нем уедешь куда надо. Не вопрос.

– А, ясно. – Мишке стало немного грустно: как здорово все было, и вот закончилось. – Спасибо, что позвали с собой... Ух ты! – От пришедшей в голову мысли на сердце потеплело. – Приезжайте к нам в гости! В Заволжье! На рыбалку сходим, тоже на лыжах погоняем!

– Не вопрос, приедем. – Олег пожал Мишке руку, похлопал по плечу.

То же самое сделали остальные, и они вчетвером зашагали обратно, в ту сторону, откуда пришли впятером. Снег повалил гуще, зажглись фонари на аллеях, и мальчишки-москвичи пропали из виду, растворились в навалившемся на город сумраке.

Мишка вздохнул и пошел к врезанной в забор арке выхода.

За оградой он огляделся, пытаясь сообразить, в каком направлении двигаться дальше, чтобы добраться до метро. Вот только куда ехать, чтобы отыскать одноклассников? Или еще раз попробовать с сотовым, вдруг оживет?

Но зловредный аппарат вновь отказался включаться.

Значит, ничего не остается, как пойти в милицию... Пусть они ищут Анну Юрьевну.

Или нет?

Из памяти всплыло название гостиницы, где они должны остановиться на ночь, – «Арбатская» или «Арбат», и расположена вроде бы на одноименной улице, так что найти ее не составит труда.

Ну а там подождать, когда свои явятся, или лучше спросить кого-нибудь из работников.

Ведь у них должно быть записано, кто сегодня заселяется?

Придумав план действий, Мишка приободрился и вдруг ощутил, насколько проголодался. Сlopал за целый день несколько бутербродов, пару бананов, зато и бегал, и ходил на лыжах, и просто гулял.

Святое дело, классная предупреждала, что еды на улице не покупать...

Но не в ресторан же идти? На это денег у него точно не хватит!

Мишка нырнул в подземный переход, а выбравшись из него, зашагал в указанном Олегом направлении – рядом с метро должны быть всякие ларьки с пирогами, слойками и прочим фастфудом. Вскоре увидел серый прямоугольный павильон, украшенный красной буквой «М», а рядом обнаружил торговые палатки.

Забрав у продавщицы заказ, он уместился за крохотным круглым столиком, где полагалось есть стоя. Едва отхлебнул горячего чая из пластикового стаканчика, как краем глаза уловил движение, а слуха коснулся негромкий звон.

– Позолоти ручку, мальчик, я тебе погадаю, все будущее скажу, – сказала, возникая из тьмы, высокая женщина в цветастой шали поверх пальто, таком же платке, обшитом по краю монетами, и с тяжелыми кольцами на пальцах.

Мишка засопел и отодвинулся.

Он не раз слышал, что все цыгане жулики и попрошайки, но до сих пор с ними не сталкивался.

– Позолоти ручку, мальчик, все скажу, не обману, – продолжала напирать женщина, улыбаясь так, что блестели зубы из желтого металла.

Она вовсе не выглядела опасной или наглой, а улыбалась скорее жалко.

– У меня нет денег, – сказал Мишка. – Совсем мало.

– А много и не надо. – Двигалась цыганка мягко и плавно, точно не шагала, а летела, от нее пахло духами и еще чем-то сладким, экзотическим. – Позолоти ручку, будущее открою тебе.

– Не надо мне будущего.

Мишка полез в кошелек и вытащил две сотенные бумажки – он без них не обеднеет, а этой женщине они, кажется, и вправду нужны, вон под глазами черные круги, а лицо худющее.

– Нет, так нельзя! – Цыганка гордо выпрямилась. – Зора не побирушка! Давай ладонь!

И прозвучало это так повелительно, что он невольно протянул руку.

Холодные пальцы ухватились за запястье, пощекотали ложбинку посередине ладони.

– Сильный мальчик, мужчина скоро будешь, – заговорила женщина низким, вибрирующим голосом, так непохожим на прежний, что Мишка даже заозирался – неужели подкрался кто-то еще? – Далеко смотришь, хорошо видишь... правду видишь, ничего от тебя скрыть нельзя... – Показалось ему или нет, но в словах цыганки прозвучало удивление.

На мгновение она замолкла, а когда заговорила вновь, то гладкая речь сменилась обрывочными фразами:

– Целый мир несешь ты с собой... целое, завершенное и прекрасное, но и гибельное... Отмеченный судьбой... Только два пса у тебя за спиной, зубами клацают... Черный и зеленый... Опасность грозит... Держит вожжи в руках некто могучий... Да кто ты, черт возьми, такой?!

Женщина выпустила его руку и отпрыгнула, словно от клетки с разъяренным тигром.

В темных, округлившихся глазах ее плясал страх, полные губы дрожали.

– Я никогда такого не видела... Кто ты?.. Зачем я взяла твои деньги? Глупая Зора!

– Вы можете их вернуть, – сказал Мишка обиженно.

С причудами цыганка попалась – вместо горя и несчастья, которое только она может отвести, нагадала какую-то ерунду. Что за мир он несет с собой, прекрасный и гибельный, кто такие эти псы, один еще и зеленый... мутант, что ли?

Но тут он повернулся, и тяжесть в кармане куртки напомнила, что там по-прежнему лежит золотое «яйцо».

Мишку словно током ударило – да ведь хозяева этой штуки наверняка пытаются его найти, вернуть свое имущество! Почему он опять забыл про вокзальную находку, не выкинул ее в сугроб в глубине леса?!

– Стойте! – воскликнул он. – Что вы еще знаете?

– Помни, ключ в ключе, опора в ключе, жизнь и смерть того, чему быть и не быть, в ключе, – произнесла цыганка с удивлением, будто сама не понимала, что говорит, а затем метнулась прочь, размахивая руками и что-то бормоча.

Мишка подумал, не побежать ли за ней, но решил, что лучше спокойно поест и чаю попить.

– И все равно бред это, никаких гаданий не бывает, – сказал он сам себе и принялся за пироги.

Но разбуженное словами цыганки беспокойство не проходило, хотелось обернуться и проверить, не крадутся ли к нему два огромных пса, один черный, а другой цвета лягушачьей шкуры? Сумерки сгустились, вечер подумал немного и начал превращаться в ночь, черную и тяжелую, наряженную в плащ из метели.

Покончив с едой, Мишка отошел в сторонку, где его никто не мог видеть, и извлек вокзальную находку из кармана.

Часы мягко тикали, по циферблатам бежали стрелки, золотые символы мерцали в темноте, а от округлых боков, казалось, исходило сияние. «Яйцо» выглядело произведением искусства и наверняка стоило огромных денег, но на целый мир не тянуло.

Мишке вспомнилась картинка из книжки, где изображалась Вселенная, как ее представляли в Средневековье: приплюснутая сфера, верхняя половинка – небеса со звездами и ангелами, нижняя – земля с расположенным в самом низу адом, и все замкнуто в прочную скорлупу.

Может быть, и тут, если расковырять, будет нечто подобное, только в уменьшенном виде?

Ну нет, не может быть...

Ладно, пусть даже за ним кто-то и гонится, они не могут знать, где он сейчас и куда направится. Нужно ехать на Арбат, искать гостиницу и одноклассников, а то Анна Юрьевна наверняка три раза с ума сошла.

«Яйцо»... ну, от него и сейчас можно избавиться, кинуть в урну.

Но Мишке стало жалко – такую красоту отправить в компанию к окуркам, грязным бумажкам и пустым бутылкам? Нет, пусть полежит пока в кармане, а потом он классной все расскажет и спросит, что делать.

Есть же какое-то бюро находок или что-то... а может, эта штука вообще краденая?

И, приняв решение, он спрятал часы и зашагал туда, где во мраке красным горела буква «М».

В одиночку на московском метро он ехал в первый раз и, честно говоря, волновался. Думал, что сделает что-то не так, или уйдет не туда, или не разберется, как пользоваться карточкой.

Но ничего, обошлось – отыскал схему, на ней станцию «Арбатская», прикинул, как ехать. Спустился на перрон в числе прочих пассажиров, не вызвав ни единого любопытного взгляда, еле втиснулся в забитый вагон.

Там слегка сплющили, так что даже ребра захрустели, но ничего, пережить можно.

Так что не минуло и получаса, как Мишка выбрался на поверхность и крутил головой, пытаясь сообразить, в какую сторону идти.

Падал снег, крупные хлопья грациозно кружили в желтом свете уличных фонарей. Прохожие шагали, увенчанные белыми шапками и погонями, фары скользивших мимо машин казались не такими яркими, как обычно, а гудки звучали приглушенно.

Мишка ощутил себя рыбой внутри огромного темного аквариума с теплой водой – тут ей и поставленный на дно замок с окошечками и аркой входа, и ракушки, и гроты, вьются плети водорослей, подсвечивает специальный фонарик и бурлит компрессор, чтобы никто не задохнулся.

А снежинки – это пузыри.

И он пошел, даже поплыл туда, куда тянуло его течением, – через подземный переход, мимо ресторана «Прага» и под знак «кирпич», говорящий о том, что вот он, пешеходный, старый, настоящий Арбат.

Мишка вытаращил глаза, глядя, как навстречу ему шагают двое мужчин в длинных подпоясанных кафтанах красного цвета, темно-серых, отороченных мехом шапках и желтых сапогах. При виде длинных и тяжелых бердышей, чьи лезвия маслянисто поблескивали, он восхищенно цокнул языком.

Наверняка актеры, изображающие стрельцов... вот только почему на них никто не смотрит?

Ладно москвичи, они такое, наверное, видят каждый день, но ведь тут есть и туристы! Иностранцы, как вон тот длинный в ковбойской шляпе, что фотографирует дом по правой стороне.

Но, может быть, он тут не первый день ходит?

А через пять минут Мишка забыл про стрельцов – вечерний Арбат, закутанный в белую тогу снегопада, подсвеченный витринами и под старину отделанными фонарями, оказался местом интересным, полным непривычной жизни.

– В заповедных и дремучих, темных муромских лесах всяка нечисть бродит тучей, на прохожих сеет страх! – пел лохматый юноша, терзая гитару, и в раскрытом чехле, лежащем перед ним, блестела мелочь, среди рублей и пятерок попадались там монеты вовсе причудливые, и квадратные, и даже в виде креста.

Чуть дальше художник, сидя на табуретке, писал портрет, модель, чернокудрая девушка, улыбалась так, что на щеках темнели ямочки, и ее лицо, очерченное штрихами карандаша, возникало на большом лице бумаги.

По бокам от бордового берета живописца, из густой седины, похожей на каракуль, торчали крохотные рожки.

Словно заметив взгляд, художник повернулся, оглядел Мишку с головы до ног, после чего усмехнулся и подмигнул – как своему, как тому, с кем делишь неведомый остальным секрет. Вспыхнуло над беретом нечто вроде нимба из багрового огня и исчезло, оставив лишь сомнения... было или почудилось?

Дальше потянулся длиннющий книжный ларек, уставленный старинными фолиантами.

Продавец, крохотный и бородатый, словно гном из «Властелина колец», аккуратно смахивал метелочкой залетевший под навес снег, говорил с двумя покупателями одновременно и отсчитывал сдачу.

Когда Мишка проходил мимо, ему показалось, что книги негромко погромыхивают, сердито шелестят страницами и даже пихаются, норовя отвоевать у соседей немножко места. Захотелось остановиться, взять огромный том в руки, как откормленного кота, погладить золоченый корешок.

– Мальчик, ты что здесь делаешь? – спросил продавец неожиданно писклявым голосом. – Или у тебя дело?

Мишка смутился – а, точно, он же не просто так гуляет, а ищет гостиницу!

Как ее, кстати, «Арбатская площадь» или «Старый Арбат»?

Можно, конечно, спросить хотя бы у этого продавца, но куда интереснее отыскать самому. Вроде бы после Кремля и обеда одноклассников должны повезти на длинную экскурсию по Выставочному центру и затем на Останкинскую башню, чтобы оттуда полюбоваться столицей...

А значит, у него еще есть время.

Но про гостиницу Мишка помнил ровно до следующего художника, окруженного пейзажами на подставках. Тут были крохотные дворы, зеленые и уютные, с покосившимися заборами и развешенным на веревках бельем, маленькие церкви о многих главках, устремленные

в ясное, открытое небо, Кремль, совсем не такой, как сейчас, но почему-то более настоящий, живой.

Каждая картина представлялась целым миром, и то, что он был заключен в рамку, ничего не меняло.

– Это что тут у вас, старая Москва? – спросил прохожий в длинном черном пальто, с тонким портфелем в руке.

– Да, – ответил художник, плотный и бородатый, немного похожий на Деда Мороза.

– Но она давно мертва.

– Пока она есть в моей памяти и на картинах, она жива. – Художник сердито нахмурился. – Думаете иначе?

Обладатель черного пальто и портфеля не стал спорить, лишь надменно усмехнулся и затопал дальше.

Мишка прошел мимо выкрашенного в синий цвет троллейбуса, переделанного под кафе. Крохотный домишко с вывеской «Елки-палки» показался отчего-то настолько несимпатичным, что захотелось перейти на другую сторону улицы.

Промелькнул и пропал за высоким забором силуэт часовни, окутанной синим огнем.

Мишка обогнул скрипача, игравшего что-то печальное, обошел толпу, собравшуюся вокруг уличного фокусника – он доставал из рукавов голубей, выпускал в темное небо, и те летели через снегопад, недовольно хлопая крыльями.

Остался за спиной еще один художник, а потом слева встал мрачный серый дом, похожий на башню средневекового замка.

Мишка не особенно удивился, когда, задрав голову, обнаружил, что наверху, на уровне четвертого этажа в нишах стоят два самых настоящих воина в доспехах, с мечами и щитами. Несмотря на снег, разглядел даже гербы – у одного три черные колючие звезды на белом поле, у второго алая голова хищной птицы на золоте.

Его обладатель неожиданно поднял руку в перчатке и помахал.

Мишка зажмурился, потряс головой, но помогло это мало – когда открыл глаза, второй рыцарь швырнул вниз снежок, не попал, правда, но промахнулся совсем немного, и досадливо покачал шлемом.

Мишка снова вспомнил, что вообще-то он бродит тут с определенной целью, и заспешил дальше.

На Арбате было много всего – туристов, магазинов, ресторанов, художников и музыкантов. Но вот ни единой вывески с надписью «гостиница» или «отель» Мишка не видел... может быть, «Арбатская» расположена вовсе не здесь?

Мало ли что называется одинаково?

Но нет, не может быть, он же прошел еще не всю улицу и вообще мог зазеваться и пропустить. Надо будет вернуться, смотреть внимательно, по порядку каждый дом, а затем уже и беспокоиться.

Но, пройдя мимо памятника невысокому лысому человеку с усами, Мишка опять про все забыл.

За монументом чуть ли не во всю ширину переулка расположился помост, обитый черной тканью, и лишь белый задник давал понять, что это самодельная сцена. Подсвеченные разноцветными фонариками, чьи лучи били откуда-то снизу, по ней грациозно перемещались люди в черных обтягивающих костюмах и в скрывающих лица белых гладких масках.

Ни прорезей для глаз, ни дырок для дыхания – вообще ничего.

Это не было танцем, еще меньше походило на обычную пьесу – никаких реплик, музыки, только резкие, ломаные, но при этом изящные движения, сменяющиеся полной неподвижностью.

И что странно, на чудное представление почти никто не глядел – только старушка с крохотной собакой на поводке, молодая мать с коляской, и взявшиеся за руки парень с девчонкой лет, наверное, шестнадцати.

Мишке черные люди на белом фоне напомнили буквы, пытающиеся выстроиться в текст.

Легкий хлопок по плечу оказался таким неожиданным, что он вздрогнул и едва не отпрыгнул.

– Не соскучился? – игриво спросила девчонка в цветастом комбинезоне и остроконечной шапке.

– Алиса? – удивился и обрадовался Мишка. – Ух ты, как классно! А я...

Захотелось немедленно рассказать ей, что произошло за этот невероятно длинный день, – начиная с прогулки по Кремлю и заканчивая тем, как он познакомился с Олегом и катался на лыжах.

– Некогда болтать! – Голос ее стал серьезным, голубые глаза блеснули. – Давай за мной!

Кучка тоже был тут, приветливо махал хвостом и даже вроде бы улыбался.

– Что... – начал Мишка, но Алиса схватила его за руку и потащила за собой.

Прочь от сцены, где продолжали шевелиться, перебегать с места на место люди-буквы. Обратно мимо памятника, в узкую, темную подворотню, больше похожую на щель, втиснутую между домами.

– А теперь сидим тихо! – велела девчонка.

Мишка сердито засопел, но промолчал – один раз она его выручила, наверняка и сейчас не просто куражится.

– Вот они, смотри... – прошептала Алиса, и он послушно устался туда, куда она показала.

По Арбату через метель неспешно шли двое.

Один, высокий и плечистый, в черной косухе и бандане, напоминал Терминатора не только статью – он шагал с тяжеловесной уверенностью машины-убийцы, способной, если надо, пробить стену. Второй, лохматый, в камуфляже, топал, сгорбившись, руки его свисали чуть ли не до колен, острые, как у эльфа, уши стояли торчком.

Люди старались держаться от этой парочки подальше, жались к стенам, и даже снежинки облетали их стороной.

Сердце Мишки заколотилось – кто это такие? Этих людей отправил за ним хозяин часов? Вспомнилась цыганка с бредовыми речами о двух псах... один черный, а другой зеленый... Откуда она про них узнала?

Двое почти прошли мимо, как вдруг тот, что в камуфляже, остановился.

– Погоди-ка, коллега, – прозвучал его голос, мягкий, но в то же время безжизненный. – Интересно...

Он повернулся и устался в сторону подворотни.

У Мишки закололо лицо, волосы на затылке поднялись дыбом, в ногах возникла стыдная дрожь. Нет, он не испугался, просто осознал, что столкнулся с самой большой опасностью в своей жизни.

– Что там? – спросил плечистый, оглядываясь.

Лицо его под черной банданой выглядело белым, точно его обсыпали мукой, глаза блестели, как металлические шарики.

– Кажется мне... – Лохматый сморщился, тряхнул шевелюрой. – Посмотрим...

И он сделал шаг.

Мишка завертел головой, отступил немного – надо удирать, дело понятное, отчего медлит Алиса? Рвануть назад, там наверняка какой-нибудь двор, ну и попытаться укрыться или оторваться.

Он скорее не увидел, а уловил некое движение рядом, и вперед метнулся Кучка.

Яростно залаял, налетел на лохматого, тот от неожиданности отшатнулся, бросил серdito:

– Всего лишь псина!

– Сейчас мы ее... – Плечистый вытащил из-под косухи огромный нож с зазубренным лезвием.

И Мишка окончательно понял, что за ним охотится парочка безумцев.

Нормальный человек не станет размахивать клинком посреди людной улицы!

Кучка легко уклонился от удара, ухватил лохматого за штанину, послышался треск рвущейся ткани. Собака взвизгнула, получив удар тяжелым ботинком в бок, и, прихрамывая, бросилась бежать.

– Вот сволота! – гаркнул тип в камуфляже, разглядывая пострадавшую ногу. – Укусила! Догоним!

И они ринулись следом за Кучкой, пропали во мраке.

– Надо удирать! – воскликнул Мишка. – Чего мы тут сидим?

– Подожди, не спеши, – осадила его Алиса, и они еще несколько минут непонятно зачем топтались на месте. – Очень хорошо. Теперь можно.

Они вышли из подворотни и зашагали по Арбату назад, в ту сторону, откуда Мишка недавно пришел. Художники, артисты, книжные ларьки – все осталось на месте, но улица на этот раз показалась какой-то помертвевшей, пустынной, словно пронесся по ней ледяной вихрь и выдул все тепло и радость.

Остался позади парень с гитарой, певший уже про серебряные струны, и тут Мишка не выдержал.

– Кто они такие, ты знаешь? – спросил он, требовательно глядя на Алису. – Они опасны? Почему ты второй раз мне помогаешь? И как нашла меня?

Вопросы хлынули, точно прорвавшая плотину вода, и остановить их не было никакой возможности.

– Как я могу ответить, если ты не даешь мне слова вставить? – спросила девочка ехидно.

Мишка сообразил, что размахивает руками, брызгает слюной и едва не орет, и поспешно осекся.

– Извини, – буркнул он. – Все из-за этой штуки, да?

И он полез в карман, собираясь вытащить золотые часы.

– Нет, не вздумай! – Алиса мигом очутилась рядом, накрыла его ладонью свою, жарко зашептала в ухо: – Как только ты достанешь эту вещицу, они мигом почуют, где ты, и кинутся следом!

– Это невозможно!

– Да? – Она усмехнулась, и Мишка отвел взгляд.

Ну да, что из происходившего с ним сегодня можно назвать возможным?

Вроде бы ничего необычного, с неба не спустились инопланетяне, не явился из параллельного мира великий маг, не вылезли из-под земли рогатые демоны... но с другой стороны, настоящий ворох чудес, мелких, едва заметных, но от этого не менее истинных!

Откуда, например, Алиса узнала про его находку?

Мишка ей ничего не говорил и тем более не показывал!

И цыганка – после случившегося, не получалось думать, что она несла ерунду.

«Псы», пусть в человеческом облики, показали себя... а значит, и остальное правда? Что-то там было про мир, про могучего с вожами, и еще про ключ, который ключ и основа... звучит бредово, но что это на самом деле?

Ответов он не получил, к старым вопросам добавились новые, и они теснились в голове, жужжали, тыкались в стенки, точно пчелы, заключенные в перевернутом стакане, так что казалось, еще немного, и лопнешь, только клочки полетят.

– Может быть, выбросить эту штуковину? – поинтересовался Мишка. – В мусорку. Если эти два... двое... – он запнулся, не решаясь произнести слово «псы», – за ней гоняются. Пускай найдут, она мне не нужна!

Алиса кивнула:

– Найдут, да только и тебя в покое не оставят. Слишком глубоко ты в это дело влез. Подберут, а затем все равно тебя отыщут и...

– Убьют?

– Нет, сделают кое-что похуже. – Алиса не улыбалась, смотрела куда-то в сторону, лицо ее оставалось мрачным. – Такие, как ты, те, кто может заглядывать глубоко, опасны для них, поэтому тебя постараются обезвредить... можно сказать, что ослепить.

– Совсем? – Мишка поморщился, представив, каково это, остаться без зрения.

В хорошенькое дело он влип!

– Нет, но ты станешь как все, твои глаза будут видеть лишь то, что на поверхности.

– Может быть, милиция? – предложил он. – Святое дело, если это преступники какие...

Она рассмеялась, но невесело.

– Отдать эту штуку в руки милиции – все равно что вернуть ее хозяину. Понимаешь? Наверняка тебе даже поверят, что ты нашел эту вещь, а не украл, скажут «спасибо», но и все. Имущество же и вовсе отдадут законному владельцу, а он объявится, можешь не сомневаться. Защищать тебя никто и не подумает, а рассказ о том, что за тобой кто-то гоняется...

«Фантазер... Развитое воображение...» – прозвучали в голове Мишки обрывки фраз, произнесенные голосом Анны Юрьевны.

Ну да, взрослым невероятно трудно объяснить, что ты можешь видеть нечто, им недоступное! Конечно, ведь каждый из них точно знает, что может быть и чего не может, и это знание делает их неуклюжими, слепыми и глухими!

– А что это вообще за предмет? – спросил он. – Почему он такой... ну, ценный?

– Это очень могущественная вещь. – Алиса говорила медленно, подбирая каждое слово. – Опасная... ее создали, чтобы использовать во зло.

– Ух ты! Как кольцо из «Властелина колец»?

И тут девчонка-москвичка удивила Мишку в очередной, непонятно в какой уже раз.

– А что такое «Властелин колец»? – осведомилась она.

Он даже растерялся – как можно было не посмотреть этот фильм?! Ведь его в кино сто лет назад показывали, а потом по телеку тыщу раз, да еще и продолжение вышло с драконом, «Хоббит» называется!

– Кино такое, – сказал Мишка. – Может быть, тогда эту вещь проще уничтожить?

Кольцо-то в конечном итоге бросили в вулкан, где оно и расплавилось вместе с Горлумом. Жалко будет погубить такую красоту, как лежащие в кармане часы, но если это поможет...

– Не поможет. – Алиса помотала головой, так что остроконечная шапочка едва не съехала с макушки. – Да и не получится, наверное... Слушай, я не сильна в разговорах. Потерпи, а? Скоро мы доберемся туда, где тебе все расскажут.

Мишке очень хотелось спросить: «Куда?», – но он сдержался.

Пока болтали, успели свернуть с Арбата и теперь шагали узкими заснеженными проулками. Фонари попадались редко, людей почти не было, но сумрак и пустота вокруг не тревожили, наоборот успокаивали.

Поворот, еще поворот, узенькая тропка, протоптанная в сугробах, окна домов светят как огни плывущих через метель кораблей, их черные, остроугольные силуэты неспешно движутся мимо...

– Эй! – Мишку потрясли за плечо, и он понял, что едва не уснул на ходу.

Усталость и обилие впечатлений наконец дали о себе знать – стало все безразлично, возникло желание лечь прямо здесь, у стенки того гаража, свернуться в клубок и заснуть, только

бы никуда не идти, не думать о том, что за ними наверняка гонятся, что в кармане у него тикает настоящая «бомба»...

– Потерпи, а? – повторила Алиса, и Мишка встряхнулся, заставил себя ожить.

Все-таки он не девчонка и должен быть сильным... Что сказал бы папа, увидь его сейчас?

Ничего хорошего, а Юрий Анатольич и вовсе бы покачал головой и бросил: «Баба!».

Тропинка вывела на неширокую улицу, а на той обнаружилась остановка, троллейбусная, если судить по проводам. Вскоре с негромким гулом подкатил длинный троллейбус-гармошка, ярко освещенный внутри и совершенно пустой.

– Куда мы едем? – спросил Мишка, устроившись на сиденье.

Задать этот вопрос надо было раньше, но в голове теснились другие, более злободневные.

– Туда, где тебя точно не найдут. – Алиса улыбнулась и подмигнула.

– А, ну ладно. – Мишка отвернулся и принялся смотреть в окно.

Ехали они чудными зигзагами – появился вдалеке Кремль, ярко освещенный, праздничный, затем пропал за домами, потянулись коробки «хрущевки». Блеснула темная гладь Москвы-реки, открылась забитая машинами площадь, и только тут троллейбус начал заполняться.

Потом Мишка задремал, а проснулся оттого, что его пихнули острым локтем в бок.

– Нам выходить, – сказала Алиса, и он, зевая, потащился за девчонкой к двери, едва не поскользнулся на ступеньках.

Продрал глаза, лишь оказавшись рядом с громадным серым домом аж с несколькими внутренними дворами. Прошли через темную арку, остановились перед подъездной дверью, над которой блестели две огромные латунные единицы.

– Кто тут живет? – спросил он, оглядываясь.

Мусорные баки, на одном сидел большой черный кот, из-под снега торчало что-то похожее на фонтан.

– Мой дед, – сказала Алиса. – Можешь звать его Алексеем Федоровичем.

В подъезде их встретил тусклый свет висящей высоко-высоко красной лампочки. Громыкнуло, вниз пошел упрятанный в сетчатый короб лифт, побежал в черную шахту трос толщиной в руку мужчины.

– Ух ты! – только и сказал Мишка, когда сверху приехала такая же сетчатая кабина.

Двери с негромким скрежетом сложились внутрь, из них вышла старушка в сером платке.

– Кто тут? – спросила она, подслеповато шурясь.

– Это я, Лидия Александровна, – сказала Алиса. – Не беспокойтесь. Вы с собакой гулять?

– Да, да... – рассеянно ответила старушка и пошла мимо них к двери.

Упомянутая собака существовала, похоже, только в ее воображении.

Они втиснулись в лифт и поехали вверх, поплыли мимо этажи – все они выглядели по-разному, менялось число квартир и их расположение, цвет стен и даже высота потолков; одни были освещены ярко, современными энергосберегающими лампами, другие – тускло, третьи прятались в полной темноте.

Выбрались на площадку, куда выходили четыре двери.

Ближайшая, огромная, обтянутая красной кожей и украшенная пятиконечными звездами, распахнулась. Через порог шагнул плечистый пожилой мужчина в фуражке и шинели, под которой побрякивало что-то металлическое.

– Добрый вечер, Георгий Константинович, – поздоровалась Алиса.

И Мишка буркнул:

– Добрый...

– И вам доброго вечера! – громыкнул в ответ мужчина и ушагал во мрак.

– Курить пошел, что ли? – сказал Мишка. – Тут что, одни пенсионеры живут?

– Кто тут только не живет, – вздохнула Алиса. – Мы пришли.

Ее дедушка обитал за скромной металлической дверью, украшенной иконкой и даже небольшим крестом.

Вместо звонка прозвучал перезвон колоколов, послышались шлепающие шаги, заскрежетал отпираемый замок. Дверь отошла в сторону, и за ней обнаружился невысокий, плотный старичок с бородкой клинышком, облаченный в темно-серый балахон до самого пола.

– Кого бог привел? – спросил он веселым голосом. – А, это ты! И отрок с тобой? Благолепный, зраком острый, обликом приятный... А ну заходите, нечего в подъезде болтаться!

И Алексей Федорович отступил в сторону, освобождая дорогу.

Прихожая была просторной, Мишка никогда таких не видел – не спортзал, конечно, но не меньше, чем большая комната в обычной квартире. На стенах висели громадные иконы, с них на гостей сурово и вместе с тем ласково смотрели убеленные сединами старцы – кто с книгой, кто с клюкой, а кто и вовсе со львом.

– погоди, не спеши, отрок, до этого дело еще дойдет, – сказал хозяин квартиры, когда Мишка собрался вынуть из кармана вокзальную находку. – Сначала я тебя накормлю-напою, в бане вымою, хотя бани-то у меня и нет, город все же, не весь отдаленная, обходимся тем, что есть.

Рекламный слоган «подь сюды, напою-накормлю, в баньке помою» использовала в сказках Баба Яга, а потом «добрых молодцев» пыталась в чесночный паштет превратить и на хлеб намазать.

Вот только здесь опасностью и не пахло, это Мишка видел отлично.

Старичок в балахоне таил в себе нечто глубокое, темное, похожее на колодец, на дне которого спрятаны сокровища, но в то же время он был надежен, даже просто рядом с ним становилось спокойнее. В эту квартиру, укрытую в недрах громадного дома на берегу Москвы-реки, за черной металлической дверью, зло проникнуть не могло, даже такое активное и опасное, как те двое с Арбата.

– Дед, ну ты за ним приглядишь. – Алиса шмыгнула носом. – Я за Кучкой пойду.

– Иди-иди, выручай барбоса своего мохнатообразного. – Особой теплоты в голосе Алексея Федоровича не звучало, похоже, что собаку внучки он не одобрял. – Чую, вороги за ним гонятся. Поспеши.

– Э, а может, и я... – подал голос Мишка.

Не девчоночье это дело – лезть опасности в пасть, для этого есть мужчины, и пусть ему всего только двенадцать...

– Ты ничем не поможешь, сам только попадешься. – Алиса улыбнулась ему, и от этой улыбки стало приятно и в то же время неловко. – И не беспокойся, Охотники мне ничего не сделают.

– И не беспокоюсь, больно надо. – Мишка отвернулся.

Что за ерунда, почему рядом с этой москвичкой он ведет себя как полный дурак?

Хлопнула дверь, загудел в подъезде лифт.

– Ну что, пошли, отрок, предадим тебя радостям телесным, хоть и не греховным? – весело предложил Алексей Федорович.

Он говорил по-особенному, использовал слова, вроде бы знакомые, но пахнущие древностью, явившиеся из тех времен, когда не было еще России, только Русь, и несли ей горе орды степных наездников...

– Э, ну да, – не совсем впопад согласился Мишка и вслед за хозяином покинул прихожую.

* * *

Офицер милиции, несмотря на не очень большие годы, был лысоват, толст и солиден. Какое звание обозначали его погоны, Анна Юрьевна не понимала, зато страж порядка напоминал ей Мухомора из сериала про питерских ментов, и это немного успокаивало.

– Ита-ак, – протянул он, – если я правильно понимаю, вы не знаете, когда мальчик пропал? Точное время?

– Нет, – сказала она.

Признаваться в подобном было стыдно, но врать сейчас – преступно.

– Фотографии его у вас с собой нет? – поинтересовался офицер, мелким, бисерным почерком быстро заполняя бланк.

– Нет. – Анна Юрьевна пригладила волосы. – Может, на его странице во «ВКонтакте»...

– Да, хорошая мысль. Как его зовут?

– Миша Котлов. Заволжье, Нижегородская область...

– Сейчас... – Милиционер забегал пальцами по клавиатуре, затем развернул монитор. – Он?

С экрана смотрел Мишка – загорелый, улыбающийся, в беговой форме и кроссовках, с прикрепленным булавками номером на груди.

– Он, – подтвердила Анна Юрьевна и не выдержала, всхлипнула. – Ведь вы найдете его?

– Приложим все усилия, – отозвался офицер. – Вы, главное, не волнуйтесь... вы...

Но она уже редела, пыталась удержать слезы, но те не слушались, продолжали течь, смывая косметику, капая на сумочку. Все это время, как только обнаружилось, что Котлов пропал, держалась, не позволяла себе раскисать... и вот сломалась, и именно сейчас!

Но она все же женщина, живой человек!

– Ну, не стоит, не стоит, – В голосе милиционера не звучало сочувствия, лишь равнодушие. – Давайте я вам воды налью... а туалет у нас в конце коридора, как выйдете, так налево...

Анна Юрьевна кивнула и отправилась приводить себя в порядок.

Когда вернулась, на столе уже лежало крупно отпечатанное фото Миши, еще какие-то бумаги.

– Так, минуточку, – кивнул ей офицер, не отрываясь от разговора по телефону. – Конечно. Нет, исключено... – Он еще несколько раз сказал «ага» и только после этого положил трубку. – Что же, номер ваш у меня есть, если что, я непременно вам позвоню. Адрес гостиницы?..

– Я там все указала, – напомнила Анна Юрьевна.

– Да, точно, Новинский бульвар... – Он заглянул в лежащую на столе бумагу. – Отыщем. Привезем.

Вот только уверенности в его словах не ощущалось.

Ну еще бы – огромная Москва, сотни тысяч людей, невероятное количество домов и улиц, как во всем этом сыскать одного-единственного мальчишку, даже если он просто потерялся, а не был, скажем, украден?

Анна Юрьевна глубоко вздохнула, напомнила себе, что не нужно паниковать раньше времени.

– А как вы считаете, стоит звонить родителям? – поинтересовалась она.

– Нет, не думаю. – Офицер покачал головой. – И ему больше не звоните, бесполезно.

Попробуем сами проконтролировать номер мальчика.

Котлова Анна Юрьевна набирала раз пять, но безрезультатно.

– Хорошо, а... – начала она.

– Прощу меня извинить. – Милиционер улыбнулся вежливо, но непреклонно. – Дела, дела. Надеюсь, что скоро смогу вам позвонить с хорошими новостями...

Анна Юрьевна поднялась, хотела еще что-то сказать, но передумала – зачем, ведь ей четко продемонстрировали, что все, свою работу они сделали, так что нечего тут толпиться, проваливай, тетка, не отнимай у людей время.

Здрав подбородок, чтобы снова не заплакать, она взяла сумочку и вышла в коридор.

* * *

Кабинет Босса Антону не очень нравился, слишком большой, чувствуешь себя мелкой букашкой, которую раздавить, что раз плюнуть. Но сейчас, во мраке, размеры скрадывались, и было почти уютно, а лежащая за огромным, во всю стену окном Москва казалась даже красивой.

Море огней до горизонта, из него торчат сталинские высотки и современные небоскребы. Глядел бы да любовался, будь здесь один.

Но вот оно, начальство, сидит за громадным рабочим столом, горит антикварная лампа из золота, так что поблескивает оправка сдвинутых на лоб очков, блики гуляют по лысине, и видны глаза, спокойные, холодные, ничего не упускающие.

– Так, отлично, – сказал Босс, вынимая из правого кармана увеличительное стекло вроде тех, что используют ювелиры.

Антон вздрогнул, обнаружив, что насажен на острую иглу взгляда.

– Что скажешь в свое оправдание? – продолжил Босс, отложив отвертку, что выглядела игрушечной в большой белой руке.

Стол перед начальством был завален крошечными шестеренками, маховиками и всякими детальками, названия которых мало кто знал. Отдельно лежали инструменты, пипетки с машинным маслом, кусочки наждачной бумаги, самой мелкой, какую только можно отыскать.

Босс любил возиться с часами, особенно со старинными, необычными.

Порой ему притаскивали огромные, похожие на башни, напольные страшилища, что громоподобно тикали и жонглировали ядрами в кулак. Иногда он занимался такими крохами, что все их механические «кишки», если те сложить поплотнее, умещались на ногте большого пальца.

Он мог с одного взгляда отличить настоящий «Ролекс» от поддельного, а у подделки определить, откуда она родом – из Китая, Малайзии или из Одессы, с Малой Арнаутской улицы. Выстроившиеся вдоль стены большие, под потолок шкафы прятали коллекцию, способную вызвать зависть у любого часофила.

– Тут такое дело... – забормотал Антон, стараясь, с одной стороны, не глядеть Боссу в лицо, а с другой – совсем уж откровенно не прятать взгляда. – Они меня сами отшили... ударили... Сказали, чтобы я валил, ну я и пошел... за указаниями.

Он знал, что врет, и в то же самое время почти верил в то, что говорил.

– И добирался сюда из Измайлово три часа? – В голосе Босса прозвучала насмешка. – Недоросля же понесло в Коломенское.

Антон так удивился, что даже забыл о страхе перед начальством.

– Это как? – спросил он, поймав отвалившуюся челюсть. – Как такое вообще возможно? Метро «Партизанская» – оно вон где, а проспект Андропова – вон где!

Босс вздохнул:

– Полезный ты человек, но глупый. Так что если бы не польза, давно бы выгнал я тебя вшаей. Измайлово и Коломенское на некоем уровне составляют единое целое... Ты понимаешь? Нет? Отвратительно...

Антон и вправду ничего не понимал – как это может быть?

Зато он чувствовал, что начальство понемногу начинает раздражаться, а это может оказаться опасным. Вон там, слева от рабочего стола, большая секция окна открывается легким нажатием пальцев, и все люди, работающие на Босса, помнят одного сильно умного и строптивого юриста.

Как-то так вышло, что он выпал именно отсюда...

Милиции скормили байку насчет самоубийства, заплатили кому надо, но Антон-то был в курсе дела.

– Э, я... – начал он.

Мягкий перезвон возвестил, что ожил лежавший на столе начальства мобильник.

– Да? – спросил Босс, поднеся его к уху. – Вот как?.. Думаете?.. Тогда ведите ее сюда.

Через пять минут за дверью, ведущей в приемную, раздались шаги, голос секретарши. Потом сама дверь распахнулась, и в кабинет шагнул бледный Охотник, толкавший перед собой испуганную до дрожи цыганку, а за ним появился рыжеволосый с довольной ухмылкой на пухлых губах.

– Зора Авдеева! – объявил он. – Гадалка, мошенница, классический асоциальный элемент!

– Отпусти меня, большой человек! Я ничего не сделала! – затараторила цыганка, пытаясь упасть на колени перед столом Босса, но бледный удержал ее за пальто с такой легкостью, словно женщина вообще ничего не весила.

Антон с облегчением подумал, что начальству в ближайшее время будет не до него.

– Рассказывай, – велел Босс, сцепив руки перед грудью и откинувшись в кресле.

– О чем, большой человек?! – воскликнула Зора.

– О мальчишке. Ведь ты с ним встречалась.

– Еще как! – встрял рыжеволосый. – От нее просто смердит тем человеческим детенышем! Исключительно...

Босс метнул в него короткий взгляд, и Охотник замолк, хоть и скорчил недовольную мину.

– Какой мальчишка?! – вроде бы искренне удивилась цыганка, но бледный встряхнул ее так, что лязгнули зубы, и Зора тут же все вспомнила. – А да, помню хорошо, жемчужный мой! Такой крепенький, глазастенький... Да, гадала я ему, денег он мне дал, вот только, только...

Она и до сих пор выглядела испуганной, но сейчас в черных, как сливы глазах возник настоящий ужас.

– Рассказывай все, в малейших деталях, – злобно проскрипел шеф, наклонившись вперед. – Когда, где, что. Ты понимаешь?

Цыганка закивала, и слова полились из ее уст потоком.

На взгляд Антона, Зора Авдеева не сообщила ничего интересного – ну да, мальчишка чай пил у ларька с пирожками, она подошла, взяла деньги и ладонь его посмотрела, а затем убежала, поскольку увидела, что следом за этим юнцом идет большая опасность.

Похоже, эта дура и вправду верила в свое гадание.

Но Босс слушал цыганку с интересом, разве что время от времени презрительно морщился.

– Хорошо, – сказал он, когда она замолкла. – А теперь уберите ее, совсем, чтобы не было.

– Но за что? – Зора отшатнулась. – Я же всю правду тебе рассказала, большой человек!

Лицо ее исказилось, в глазах блеснули слезы.

– Просто потому, что такая отвратительная шваль, как ты, не должна пятнать лицо Москвы, – прошипел Босс. – Пройдет совсем немного времени, и мы очистим столицу ото всех вас, от тех, кто выделяется, кто не хочет жить, как остальные, ходить в предложенных сверху границах... Уберите ее!

Цыганка зарыдала, когда бледный Охотник потащил ее к двери, будто мешок с картошкой. Рыжеволосый сладострастно осклабился, облизнулся так, что едва не дотянулся языком до бровей, и скользнул следом.

– Что с ней будет? – неожиданно даже для себя спросил Антон.

– Ты точно хочешь это знать? – вопросом ответил Босс. – Я на твоём месте остерегся бы.

Он выразительно помолчал, а затем продолжил:

– О ней не беспокойся, эта отвратительная тварь завтра и не вспомнит, что побывала здесь. – Отвертка вновь оказалась в большой белой руке. – Сейчас Охотники вернутся, вы отправитесь ловить недоросля, и на этот раз чтобы от них ни на шаг. Что бы не случилось. Ты понимаешь?

Антон кивнул – о да, отданные таким тоном приказы он понимал очень хорошо.

Будь неладен Предмет вместе со всеми его железными внутренностями!

Глава пятая

Если до похода в душ Мишка почти засыпал, то из-под воды вылез бодрым, разве что еще более голодным.

– Ага-ага, отрок, оклемался ты малость, как я погляжу! – возликовал Алексей Федорович. – Пойдем-ка в трапезную...

Кухня в этой квартире была ничуть не меньше прихожей, и у дальней стены располагалась самая настоящая печь! На длинных полках стояли глиняные горшки, пучки сухих трав источали напоминающие о лете запахи.

Мишка уселся за круглый стол, такой большой, что за ним уместился бы король Артур со своими рыцарями. А через пять минут забыл обо всем на свете, и о том, где находится, и о том, что за ним гонятся, и о вокзальной находке.

Картошка с грибами – что может быть вкуснее!

И компот из лесных ягод, такой вкусный, словно их только что собрали!

– Уф, спасибо... – сказал Мишка примерно через полчаса, отодвигая только что не вылизанную тарелку.

– Не на чем, – отозвался Алексей Федорович, улыбаясь так, что морщинки разбежались от его лучистых глаз. – Ну что, отрок, пойдем, посумерничаем, о делах серьезных покалякаем...

В комнате, куда он привел гостя, царствовали книги – старинные тяжелые тома располагались на стеллажах, лежали на столе, даже на креслах, некоторые были открыты, обнажая цветастые картинки и причудливые рукописные буквы на пожелтевшей от времени бумаге.

– Вижу, что трудами письменными интересуешься весьма? – спросил Алексей Федорович. – Похвально... Вот, смотри, жития святых мучеников Бориса и Глеба, и службы им... сочинение блаженного Августина «О граде Божиим», «Поучения душеполезные князьям и боярам, всем правоверным христианам»...

Клацнул замок, из прихожей донесся негромкий голос Алисы:

– Дед, я пришла.

Мишка облегченно вздохнул – вроде бы он в последний час и не вспоминал о ней, но в то же время, оказывается, сильно волновался.

– Слава богу! – Алексей Федорович отложил талмуд размером с две энциклопедии. – Кучку вызволила?

– А как же. – Алиса вошла в комнату, вслед за ней появилась собака, хромающая, с кровью в шерсти, но бодрая и даже виляющая хвостом. – Ничего себе, дед, вы тут книжками балуетесь... Ты что, решил Мишку утопить в древней мудрости?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.